

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р. Ю. Почекаев

.....

**ЛЕГИТИМАЦИЯ
ВЛАСТИ,
УЗУРПАТОРСТВО
И САМОЗВАНСТВО**

в государствах
Евразии

*Тюрко-монгольский мир
XIII — начала XX в.*

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2017

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
П65

Рецензент — доктор исторических наук,
ординарный профессор НИУ ВШЭ

И.Н. Данилевский

П65 Почекаев, Р. Ю. Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии: Тюрко-монгольский мир XIII — начала XX в. [Текст] / Р. Ю. Почекаев ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 366, [2] с. — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-1291-3 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-1613-3 (e-book).

В книге рассматриваются факторы легитимации власти в тюрко-монгольских государствах Евразии, начиная с империи Чингис-хана в первой половине XIII в. и заканчивая последними попытками создания независимых ханств в Центральной Азии уже в первой половине XX в., а также проблема узурпаторства и самозванства в этих государствах. На основе анализа многочисленных конкретных примеров автор определяет общие тенденции и основные факторы борьбы за власть, ее методы и приемы, прослеживает эволюцию этих факторов на разных этапах политико-правового развития тюрко-монгольских государств, способы правового обоснования узурпаторами и самозванцами своих претензий на верховную власть (некоторые из них до сих пор используются в политической борьбе в странах Среднего Востока и Центральной Азии).

Книга предназначена для историков государства и права, историков и востоковедов, специалистов по политологии и политической антропологии, а также для студентов, обучающихся этим специальностям.

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-7598-1291-3 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-1613-3 (e-book)

© Почекаев Р.Ю., 2017
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Часть I	
ФАКТОРЫ ЛЕГИТИМАЦИИ В ИМПЕРСКУЮ ЭПОХУ	
Глава 1. Ссылки на закон и на завещание	15
Глава 2. От империи к империям: новые основания претензий на власть.....	36
Часть II	
РАСПАД ИМПЕРИЙ: «СТАРЫЕ» И «НОВЫЕ» ФАКТОРЫ ЛЕГИТИМАЦИИ	
Глава 3. Генеалогический фактор	57
Глава 4. Религиозный фактор.....	103
Глава 5. Региональный фактор.....	127
Часть III	
«СТЕПНЫЕ ИМПЕРИИ» ПОД ВЛАСТЬЮ ИМПЕРИЙ ОСЕДЛЫХ: ИНОСТРАННЫЙ ФАКТОР В БОРЬБЕ ЗА ХАНСКИЙ ТРОН	
Глава 6. Попытки установления иностранного сюзеренитета и проблема легитимности иностранных ставленников в глазах собственных подданных	153
Глава 7. Новые основания приобретения власти в период иностранного владычества	176
Глава 8. Национально-освободительное движение как условие претензий на власть	199
Часть IV	
САМОЗВАНЦЫ В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВАХ	
Глава 9. Категории самозванцев	239
Глава 10. Пределы претензий на власть.....	264
Часть V	
УЗУРПАТОРЫ И САМОЗВАНЦЫ «ОТ ИСТОРИИ»	
Глава 11. Узурпаторы и самозванцы в средневековой историографии	277
Глава 12. Узурпаторы и самозванцы в современной историографии	281
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	290
ЛИТЕРАТУРА.....	294
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	334
SUMMARY.....	363

ВВЕДЕНИЕ

В «Сборнике летописей» персидского историка и выдающегося государственного деятеля конца XIII — начала XIV в. Рашид ад-Дина, описывается весьма показательный эпизод, ярко отражающий политическую идеологию потомков Чингис-хана. В 1300 г. персидский ильхан Газан (покровитель Рашид ад-Дина) прибыл в Дамаск — город, за который он соперничал с мамлюкским султаном ан-Насиром. Рашид ад-Дин рассказывает, как Газан сумел убедить жителей Дамаска в легитимности своих притязаний на власть над городом:

Государь ислама спросил их: «Кто я?» Они все воскликнули: «Царь Газан, сын Аргуна, сына Хулагу-хана, сына Тулуй-хана, сына Чингиз-хана». Потом Газан-хан спросил: «Кто отец Насира?» Они ответили: «Альфи». Газан-хан спросил: «Кто был отцом Альфи?» Все промолчали. Всем стало ясно, что царствование этого рода случайно, а не по праву, и что все являются слугами знаменитого потомства предка государя ислама [Рашид ад-Дин, 1946, с. 184] (см. также: [Султанов, 2006, с. 60]).

В самом деле в Монгольской империи, которая к середине XIII в. охватывала огромное пространство на территории Евразии, а затем и в государствах, образовавшихся после ее распада, сложилась политико-правовая традиция, в соответствии с которой только потомки Чингис-хана имели право занимать трон. Несмотря на то что механизмы перехода власти были довольно разнообразны и порой даже противоречили друг другу, сам принцип сохранения верховной власти и ханского титула исключительно в роду Чингисидов долгое время оставался незыблемым. Поэтому правление «золотого рода»¹ в различных государствах Евразии имело, по выражению исследователей, «беспрецедентную продолжительность» — более 700 лет: с конца XII по начало XX в. (см., напр.: [Барфилд, 2002, с. 50])².

---

¹ «Золотой род» (Алтан уруг) — распространенный в чингисидской историографии эпитет династии Чингисидов.

² Впрочем, сам Т. Барфилд весьма скептически оценивает вероятность действительной принадлежности всех правителей, считавшихся Чингисидами, к потомству Чингис-хана.

История правления потомков Чингис-хана, их борьбы за власть на бескрайнем пространстве Монгольской империи и ее преемников неоднократно привлекала внимание исследователей. Не занимаясь непосредственно вопросами самозванства и узурпаторства, некоторые из них не могли в той или иной степени не затронуть их при изучении проблематики легитимации власти в Монгольской империи и пост-имперских чингисидских государствах. К числу наиболее существенных работ по данной тематике можно отнести работы Т.Д. Скрынниковой, Т.И. Султанова, В.В. Трепавлова, Д. ДеВиза, А. фон Кюгельген, Б.М. Бабаджанова, Т.К. Бейсембиева, не говоря о многочисленных статьях и сборниках работ, опубликованных как перечисленными, так и другими авторами³.

Исследуя историю этого весьма разветвленного рода, его права и претензии на власть, способы прихода к власти, большинство исследователей не слишком много говорят о случаях покушения на монополию Чингисидов, по крайней мере до второй половины XVIII в., когда представители «золотого рода» были почти одновременно лишены власти в ряде государств. Нельзя сказать, что случаи прихода к власти нечингисидов (а также в ряде случаев и самозванцев, выдававших себя за потомков Чингис-хана) в более ранние периоды вообще не упоминаются специалистами, однако в их работах они предстают как некие случайные «интерполяции» в длительном пребывании у власти потомков «золотого рода». Специальных исследований об узурпаторах и самозванцах, посягавших на властную монополию Чингисидов, насколько нам известно, до сих пор не было.

Это представляется довольно странным, принимая во внимание тот интерес, который во все времена историки питали к разного рода авантюристам, не имевшим права на трон, но рискнувшим бросить вызов легитимным правителям и порой бравшим верх над ними. Тем более что и источники содержат немало сведений о таких претендентах на власть, что дает специалистам прекрасную базу для исследований и анализа.

Поэтому неудивительно, что историография самозванцев и узурпаторов весьма обширна. Так, только в России в последние 200 лет

---

³ Среди довольно многочисленных работ, посвященных истории Чингисидов в разных государствах и регионах, можно выделить труд, охватывающий историю практически всех чингисидских династий (за исключением чисто монгольской ветви) на протяжении всего времени их правления [Султанов, 2001; 2006].

был издан целый ряд одних только обзорных трудов о самозванцах и узурпаторах, не считая еще более многочисленных исследований, посвященных отдельным авантюристам: от «Краткой повести о бывших в России самозванцах» конца XVIII в. [Краткая повесть, 1793] до появившихся на рубеже XX–XXI вв. научных и научно-популярных работ (см., напр.: [Баганова, 2010; Корниенко, 2011; Юзефович, 1999]). Появляются работы, посвященные даже философскому и психологическому анализу феномена самозванства [Тулчинский, 1996].

Популярность жизнеописаний самозванцев и узурпаторов вполне объяснима как среди авторов, так и среди читателей. В самом деле история прихода тех или иных государственных деятелей к власти всегда вызывала интерес и профессиональных историков, и любителей прошлого. Если же к власти приходили лица, не имевшие законного права претендовать на нее — самозванцы и узурпаторы, — интерес к их деяниям возрастал вдвойне. Ведь даже вокруг легитимных правителей всегда возникали мифы и легенды, однако большей частью они формировались уже после смерти монархов — в историографии и народной памяти. Лица же, незаконно захватившие трон (или хотя бы претендовавшие на него), изначально создавали вокруг себя мифическое пространство в надежде на то, что оно будет выглядеть настолько реальным, что сделает их правление легитимным, всеми признанным. Наиболее эффективным средством при этом становилась апелляция к закону, к правовым основаниям власти. Толкуя в свою пользу спорные нормативные положения, либо же эффективно используя пробелы и коллизии в праве, значительное число самозванных представителей законных династий и даже узурпаторов, не относившихся к правящим семействам, преуспели в захвате трона, а наиболее удачливые из них даже основали собственные династии. Тогда как проигравшие самозванцы и узурпаторы нередко уподоблялись исчадиям ада и наиболее закоренелым грешникам, что в общем-то вполне логично, ведь историю всегда пишут победители (см., напр.: [Василик, 2012]).

Источники донесли до нас сведения о многочисленных авантюристах, которые выдавали себя за других лиц — законных претендентов на трон. Маг Гаумата, выдававший себя в VI в. до н.э. за сына персидского царя Кира II, самозванные византийские императоры, «фальшивые» Жанна д'Арк и английские короли эпохи войн Алой и Белой Розы, лже-Ричарды и лже-Эдуарды, лица, выдававшие себя за Людовика XVII — сына Людовика XVI, погибшего в годы Великой французской революции.

Не менее богата на самозванцев и история России. В годы Смутного времени (1598–1613) на трон претендовали едва ли не десятки подставных сыновей Ивана Грозного (Лжедмитрии I, II, III и т.д.), его сыновей — Ивана Ивановича и Федора Ивановича, Василия Шуйского... Во второй половине XVIII в. на сцену вышли многочисленные претенденты на трон под именем императора Петра III (самым известным из них, хотя и далеко не единственным, является Емельян Пугачев), а также менее значительные авантюристы вроде «княжны Таракановой». В XX в. и в России, и за ее пределами появилось множество самозванцев, выдававших себя за сына и дочерей бывшего императора Николая II, казненных вместе с ним в 1918 г., либо за их прямых потомков.

По большей части эти самозванцы разоблачались еще до вступления на трон: их арестовывали, судили и казнили, либо ссылали на каторгу или в монастырь. Некоторым (как, например, Лжедмитрию I) удавалось на короткое время занять трон, но, как правило, и их ожидала скорая насильственная смерть. Впрочем, бывали и исключения. Так, некий Сверре (Сверрир), выдавший себя за сына одного из норвежских королей, не только сам правил в последней четверти XII в., но и основал династию, пребывавшую на троне Норвегии в течение всего следующего столетия.

Еще чаще претензии на власть предъявляли лица, даже не пытавшиеся выдать себя за представителей законного правящего рода, вместо этого они открыто делали ставку на собственное политическое влияние в стране, военную силу или же свое огромное состояние. Сегодня таких претендентов принято именовать узурпаторами, в античном же мире и средневековой Италии их называли тиранами — даже если они правили вовсе не с той жестокостью, с которой сегодня мы ассоциируем это понятие: «тираном» назывался любой правитель, захвативший власть с нарушением законов наследования. Такими тиранами были многочисленные правители древнегреческих государств, например, сицилийские Фаларис и два Дионисия — Старший и Младший, десятки так называемых солдатских императоров в Риме II–III вв. н.э. и, наверное, сотни правителей городов-государств в средневековой Италии.

В некоторых странах существовали довольно причудливые формы легитимации власти узурпаторов, в результате чего многие из таких авантюристов признавались законными правителями.

Например, в древнем и средневековом Китае применялась доктрина так называемого мандата Неба. Любой удачливый авантюрист,

сумевший свергнуть предыдущего императора и основать династию хотя бы из двух-трех поколений правителей, признавался в официальной историографии избранником Неба, обладателем его «мандата» и, следовательно, законным правителем. Свергнутый же им законный император (как правило потомок такого же авантюриста, захватившего власть тем же путем) объявлялся лишенным такого «мандата» за свои прегрешения — истинные или мнимые. В результате легитимными китайскими императорами и основателями законных династий становились мелкие торговцы, крестьяне и даже буддийские монахи.

Иной способ легитимации власти узурпаторами применялся в Византийской империи, где на трон нередко вступали представители сановной или военной знати самого различного происхождения — греки, армяне, сирийцы и т.д. Чтобы стать законным монархом, было достаточно породниться с легитимным императорским родом. Такая практика наиболее широко применялась в Византии в эпоху Македонской династии (867—1056). Например, в первой четверти X в. друнгарий флота (адмирал) Роман Лакапин выдал свою дочь замуж за законного императора Константина VII Багрянородного, а вскоре объявил императором себя самого и трех своих сыновей. Спустя примерно полвека полководец Никифор Фока провозгласил себя императором, обосновав претензии на трон своей женитьбой на Феофано — вдове сына Константина Багрянородного, причем он считался соправителем ее сыновей от первого брака, «багрянородных» Василия II и Константина VIII. Несколько лет спустя Никифор Фока был убит еще одним полководцем — Иоанном Цимисхием, который, в свою очередь, женился на дочери Константина Багрянородного и также формально объявил себя соправителем Василия II и Константина VIII.

А как же обстояли дела с легитимацией власти, узурпаторством и самозванством в чингисидских и постчингисидских государствах — империи Чингис-хана, возникшей в начале XIII в., и ее преемников, просуществовавших вплоть до начала XX в. (когда пали Бухарский эмират и Хивинское ханство, и практически все государства на территории бывшей Монгольской империи были реорганизованы по советскому образцу)? Отсутствие достаточного количества источников, сложные, запутанные и не до конца понятые правила наследования власти в этих государствах — все это затрудняет исследование феномена узурпации и самозванства в тюрко-монгольском мире. Тем не менее подробное ознакомление с историческими источниками и рядом специальных исследовательских работ позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, сами потомки Чингис-хана, равно как и их

соперники в борьбе за власть причудливым образом сочетали элементы традиционного, харизматического и рационального господства (в соответствии с терминологией М. Вебера) (подробнее см.: [Крадин, 2004, с. 90–92]), апеллируя к религиозным, генеалогическим и правовым факторам. Во-вторых, попыток узурпации трона и выступлений самозванцев в этих государствах было ничуть не меньше, чем в истории, например, Античного мира, средневековой Европы или мусульманского Востока.

Среди узурпаторов находились как сами представители «золотого рода» Чингисидов, пытавшиеся занять трон в обход правил перехода власти — Тэмугэ-отчигин, брат Чингис-хана, Ногай в Золотой Орде, ряд самозванных ханов Мавераннахра, Казанского и Сибирского ханства, Бухары, Хивы и проч. Другую группу узурпаторов составляли претенденты на верховную власть из числа лиц, не являвшихся потомками Чингис-хана, тем не менее многие из них оказались удачливыми и даже положили начало собственным династиям: бухарские эмиры из династии Мангытов, Инаки (Кунграты) в Хиве, ханская династия Мингов в Коканде и др. При этом в отношении данных правителей очень важно учитывать различие между терминами «легальность» и «легитимность»⁴: многие претенденты на трон (например, Мухаммад-Рахим, первый бухарский правитель из рода Мангытов, или первые хивинские ханы из династии Инаков) приходили к власти легально, т.е. с соблюдением официальной процедуры — избрания на курултае, церемонии интронизации и проч., но при этом в глазах поборников «чингисизма», конечно же, не выглядели легитимными, т.е. законными и всеми признанными правителями, поскольку не принадлежали к роду Чингисидов; аналогичным образом, в глазах подданных тюрко-монгольских правителей сомнительными выглядели права на власть тех потомков Чингис-хана, которые формально также законным образом вступали на трон, но фактически являлись ставленниками иностранных государей-сюзеренов.

Находились и самозванцы, выдававшие себя за Чингисидов. Например, в 1361 г. на золотоордынский трон вступил самозванец, выдававший себя за покойного царевича Кильдибека, в конце XVI — начале XVII в. в Средней Азии действовал целый ряд самозванцев, выдававших себя за реальных или даже вымышленных представителей династии Шайбанидов. В некоторых случаях чингисидские

---

⁴ Соотношение этих терминов уже становилось предметом исследования (см., напр.: [Безкороваяная, 2010]).

правители «становились» самозванцами исключительно благодаря мнению авторитетных историков. Так, например, казахстанский исследователь В.П. Юдин в свое время утверждал, что ни знаменитый золотоордынский хан Узбек, ни целая династия Туга-Тимуридов (потомки тринадцатого сына Джучи, первого правителя Золотой Орды) не принадлежали к Чингисидам. С легкой руки историков XIX–XX вв. самозванцами стали признаваться золотоордынские ханы Кульна и Наурус. Известный исследователь-востоковед середины XIX в. О.И. Сенковский («Барон Брамбеус») заявил о том, что знаменитый основатель бухарского ханства Мухаммад Шайбани-хан также не был Чингисидом. Таким образом, исследование конкретных примеров узурпаций и самозванства в тюрко-монгольских государствах уже представляется весьма захватывающим.

Большинство исследователей, занимающихся историей узурпаторства и самозванства, сосредоточены на изучении конкретных личностей, их политических биографий, что выглядит вполне логичным. При написании настоящей книги нам, безусловно, неоднократно приходилось обращаться к истории жизни и деятельности тех или иных узурпаторов и самозванцев, однако сразу хотелось бы отметить, что мы вовсе не ставили целью представить в нашей книге набор биографий незаконных претендентов на власть, который мог бы быть составлен на основе систематизации разрозненных сообщений из различных источников и отдельных фрагментов исследовательских работ, либо же составление некоей «энциклопедии», включающей сведения *обо всех* незаконных претендентах на власть в тюрко-монгольском мире. Нас заинтересовал сам феномен самозванства, причины появления авантюристов, способы обоснования ими своих претензий и привлечения сторонников.

Таким образом, фактически речь пойдет о специфическом аспекте политико-правовой культуры тюрко-монгольского мира в чингисидский и постчингисидский периоды. Наибольший интерес представляют механизмы использования политических принципов, правовых норм, обычаев и традиций (или их отсутствия), которые позволяли лицам, не имевшим права на трон, все же претендовать на него и нередко добиваться успеха в своих претензиях. Наша цель — найти ответ на вопрос, почему политические обстоятельства и правовая ситуация в том или ином тюрко-монгольском государстве предрасполагала к появлению узурпаторов и самозванцев, какие пробелы в системе власти и законодательстве позволяли им находить лазейки и претендовать на трон в обход действовавших правовых норм.

Конкретные личности в контексте изучения этих проблем будут, таким образом, своеобразными case studies — наглядными иллюстрациями в пользу выявленных тенденций. Также мы не ставили задачу составить энциклопедический справочник узурпаторов и самозванцев в тюрко-монгольских государствах, соответственно, не претендуя на упоминание в работе всех известных в истории этих государств незаконных претендентов на трон. В работе упоминаются либо наиболее яркие, либо наиболее типичные случаи узурпаций и самозванства — по возможности из различных государств и регионов Евразии (территории распавшейся Монгольской империи), чтобы показать однородность процессов и тенденций борьбы за власть в многочисленных чингисидских и постчингисидских государствах. А поскольку каждый претендент на престол мог пользоваться целым набором таких средств, не стоит удивляться тому, что одни и те же лица будут фигурировать в разных главах и разделах этой книги. Кроме того, следует иметь в виду, что в ряде случаев вопрос, являлся ли тот или иной претендент на престол узурпатором или нет, не такой уж однозначный: он мог быть узурпатором в глазах представителей законной правящей династии, но при этом — законным монархом с точки зрения процедуры избрания, т.е. выражения воли подданных, либо законным монархом по происхождению, но узурпатором в глазах государя-сюзерена, не дававшего своего согласия на его приход к власти. В таких случаях мы специально оговариваем, по какому критерию претендент мог считаться незаконным.

Итак, исследование феномена самозванства и узурпации в тюрко-монгольских государствах для нас является еще одним аспектом в глобальном исследовании политико-правового развития этих государств, а конкретно — его особенностей в кризисные периоды. Источники, содержащие сведения о деятельности самозванцев и узурпаторов дают прекрасный материал для анализа как условий политико-правовых кризисов в этих государствах, так и попыток выхода из них с помощью таких радикальных мер, каковыми, без сомнения, следует признать претензии на власть и трон тех, кто не имел права на них.

Легко будет заметить, что на раннем этапе истории Монгольской империи и чингисидских государств число узурпаторов и тем более самозванцев было относительно невелико. Но по мере их распада и снижения авторитета потомков Чингис-хана появлялись все новые факторы легитимации власти (религиозные, иностранные и проч.), позволявшие все большему и большему количеству авантюристов

предъявлять претензии на ханский трон и на политико-правовое наследие Чингисидов в самых разных государствах и даже отдельных их частях. Соответственно, если в первой части книги мы характеризуем (и довольно подробно) отдельные случаи узурпации престола, то начиная со второй речь идет уже о целых династиях узурпаторов и самозванцев, естественно, каждый конкретный случай в рамках одной работы рассмотреть невозможно. Поэтому автор был вынужден ограничиваться либо характеристикой способов легитимации власти, использовавшихся целыми «узурпаторскими династиями», либо же выбирать таких деятелей, которые наиболее ярко отражали ту или иную тенденцию борьбы за власть.

Следует сказать несколько слов о написании имен собственных в настоящей книге. Автор использовал принятые в востоковедной литературе формы написания имен Чингис-хан, Мухаммад, Сайид-Ахмад. При этом учитывалось различие звучания одних и тех же имен у тюрков и монголов, например, тюркского Тимур и монгольского Тэмур. Иные варианты написания имен конкретных деятелей могут встречаться в цитатах, в которых автор книги сохранял те формы имен, которые использовали авторы цитируемых произведений. В прилагаемом именном указателе имена приведены в той форме, в какой они даны автором книги.

В процессе написания книги автору пришлось столкнуться с рядом сложных и спорных моментов, существенную помощь в разрешении которых, а также в нахождении источников и литературы ему оказали Б.М. Бабаджанов, П.О. Рыкин, Т.Д. Скрынникова, Т.И. Султанов, К.З. Ускенбай, А.С. Эркинов, которым автор выражает глубокую искреннюю благодарность.

*Санкт-Петербург,
2012–2015*

Часть I
ФАКТОРЫ ЛЕГИТИМАЦИИ
В ИМПЕРСКУЮ ЭПОХУ

В 1206 г. была создана империя Чингис-хана, достигшая своего расцвета к середине XIII в. В этот же период были заложены основы идеологии «чингисизма», закрепившейся в сознании подданных «золотого рода» в течение последующих двух веков как особая, имперская система политико-правовых ценностей. «Чингисизм» представлял собой сложную, комплексную идеологическую конструкцию, включающую политические, правовые, а по мнению некоторых исследователей, даже и религиозные элементы [Юдин, 1992а, с. 16]. В рамках настоящей работы нас интересует один из элементов этой идеологии, а именно — монополия на власть членов «золотого рода» Чингис-хана и его потомков.

Глава 1

ССЫЛКИ НА ЗАКОН И НА ЗАВЕЩАНИЕ

Чтобы добиться ханского титула и верховной власти в Монгольской империи и государствах, возникших после ее распада, было необходимо принадлежать к потомкам Чингис-хана по прямой мужской линии и пройти процедуру избрания на курултае [Султанов, 2006, с. 67]¹. Однако представители «золотого рода» (т.е. отвечавшие первому из требований) нередко пытались добиться власти, оспаривая законность избранных монархов, либо же в обход курултая. И таких случаев в истории чингисидских государств было не так уж мало. Многочисленность претендентов и ожесточенная борьба за власть, первые проявления которой имели место практически сразу после смерти Чингис-хана, объясняется тем, что у монголов не было четкого порядка престолонаследия². Некоторые исследователи даже распад Монгольской империи во многом связывают с этой причиной [Бартольд, 2002a, с. 147; Чхао, 2008, с. 90–92; Jackson, 1978, p. 193].

Отсутствие установленного законом порядка престолонаследия вовсе не означало, что любой потомок Чингис-хана, пожелавший стать ханом, мог предъявить претензии и получить всеобщее при-

---

¹ Отметим, что ситуация с наследованием власти в чингисидских государствах не была уникальной: аналогичный порядок существовал и в Византийской империи, где даже после того как власть императоров-базилевсов стала передаваться в рамках одной династии, формально сохранялись избрание и официальная церемония инаугурации. Даже в случае, если на престол всходил сын предыдущего монарха, в течение длительного времени являвшийся его официальным соправителем (см.: [Карпов, 2011, с. 52–53]).

² Сразу стоит отметить, что за всю историю чингисидских государств лишь очень немногие монархи предпринимали попытки установить четкий порядок престолонаследия, в частности, можно вспомнить примеры золотоордынского хана Узбека и бухарского хана Мухаммада Шайбани, пытавшихся ввести передачу трона от отца к сыну. Кроме того, в ряде случаев подобная передача осуществлялась *de facto*, без формального закрепления статуса сына как потенциального преемника отца.

знание как законный монарх. Т.И. Султанов на основе анализа многочисленных источников выделяет ряд условий, которые давали тем или иным претендентам из «золотого рода» преференции в борьбе за власть [Султанов, 2006, с. 87–102]. В период единства Монгольской империи — с рубежа 1220–1230-х годов и до второй половины XIII в. — претенденты на трон предпочитали апеллировать к законам Чингис-хана, известным сегодня под названием «Великая Яса», а также к завещаниям ханов-предшественников.

Это выглядит довольно странным, учитывая, что в этот период монгольское имперское законодательство еще только формировалось. Тем не менее монголы (вероятнее всего, под влиянием своих китайских или среднеазиатских советников) очень быстро усвоили преимущества опоры на писанный закон и стали настоящими «позитивистами» (в юридическом понимании этого термина), стараясь обосновывать любые свои действия — даже такие, как разрушение городов, грабеж и резню населения, расправы с политическими противниками — ссылками на те или иные нормы имперского законодательства. В полной мере это проявилось и в борьбе за трон: узурпаторы нередко старались использовать нормы права в своих интересах.

§ 1. Особенности претензий на власть в периоды междуцарствия

Претенденты, ссылавшиеся на нормативно-правовые акты, нередко шли не просто на «субъективное толкование» норм, но и на откровенную фальсификацию. Правда, объективности ради следует отметить, что подобные действия стимулировало уже упоминавшееся выше отсутствие четко разработанного законодательства о наследовании трона, неопределенность и расплывчатость ряда правовых понятий и категорий в монгольском имперском праве.

Узурпация de facto: Тулуй как регент и как претендент на трон. Институт регентства в Монгольской империи и чингисидских государствах был достаточно распространен, несмотря на то что никакого правового закрепления статуса регентов в чингисидском праве не существовало (по крайней мере нам такие правовые акты неизвестны). Фактически сосредоточивая в своих руках власть, равную ханской, регенты тем не менее не являлись полноправными монархами, прекрасно понимая, что рано или поздно им придется отказаться от власти в пользу монарха, выбранного в законном порядке.

Неудивительно, что многие временные правители старались всячески оттянуть избрание монарха и сохранить ситуацию «переходного периода», тем самым оставаясь верховными правителями государства (см.: [Флетчер, 2004, с. 227]).

Строго говоря, в формально-юридическом отношении такие правители не являлись узурпаторами, поэтому в большинстве подобных случаев можно условно говорить об «узурпации de facto», выражавшейся именно в преднамеренном затягивании процесса избрания монарха. И все-таки в некоторых случаях наиболее амбициозные регенты, располагая значительным административным ресурсом, могли рискнуть и пойти на откровенную узурпацию.

На основе имеющихся источников можно выделить три типа регентства в тюрко-монгольских государствах: регенты в переходный период (от смерти предыдущего монарха до избрания следующего); временные правители в период нахождения законного монарха (или наиболее вероятного наследника умершего хана) вне государства; наконец, регенты при малолетних монархах. Известны случаи попыток узурпации — откровенной и фактической — представителей каждой из этих категорий.

Наиболее ответственным, несомненно, являлось регентство в период после смерти предыдущего хана и до избрания следующего. Временным правителем назначался или избирался член ханского рода, достаточно авторитетный и энергичный, чтобы не допустить смуты, нередко начинавшейся после кончины монарха и вместе с тем лишенный чрезмерных амбиций, которые толкнули бы его на окончательное закрепление власти в своих руках. Правда, порой бывало, что изначально соответствовавшие этим требованиям регенты, уже вкусив власти, начинали ею злоупотреблять, стремясь сохранить ее в своих руках.

Так действовал и самый первый регент Монгольской империи, ставший временным правителем после смерти Чингис-хана в 1227 г. — его четвертый сын Тулуй, носивший также титул Еке-нойона, или Улуг-нойона, т.е. «Великого князя». В соответствии с монгольским обычным правом Тулуй являлся отчигином семейства Чингисидов (формально — «хранителем домашнего очага», фактически же — «главой дома и коренного юрта [отца] своего» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 19]). Коренной юрт Чингис-хана (в монгольской политической традиции — «голун (голын) улус», буквально — «центральное владение» [БАМРС, 2001, с. 429]) включал фамильные владения Чингисидов в Монголии, в бассейне рек Онона, Керулена и Толы, а также и немалые

владения в недавно завоеванном Северном Китае [Трепавлов, 1993, с. 97] (см. также: [Гумилев, 1992а, с. 145]). Кроме того, согласно Рашид ад-Дину, Тулуя как регенту должны были подчиняться «те из войски, что относились к центру, правой руке и левой руке» — практически все войска Монгольской империи [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 274] (см. также: [Трепавлов, 1993, с. 97])³. В результате, Тулуй, при жизни отца бывший на вторых ролях в политической жизни, вдруг оказался во главе огромной империи. Естественно, было бы странным, если бы он не пожелал сохранить свою власть на как можно более долгое время.

Ряд источников донес до нас сведения о властных амбициях Тулуя. Так, Рашид ад-Дин отмечает, что после смерти Чингис-хана

Тулуй-хан (sic! — *Р. П.*) водворился в коренном юрте, который состоял из престольного города и великих станов Чингиз-хана, и воссел [на царский престол] [Рашид ад-Дин, 1960, с. 109].

Вполне вероятно, что в данном случае термин «царский престол» является всего лишь устойчивым выражением и не свидетельствует о властных амбициях четвертого сына Чингис-хана. Однако слова персидского автора подтверждаются еще одним источником — китайской династийной историей «Юань ши», составленной в 1369 г. В биографии Елюя Чу-цай, советника Чингис-хана и Угедэя, первого чжуншулина (канцлера) Монгольской империи, содержится следующее сообщение:

Тай-цзун (Угедэй. — *Р. П.*) должен был вступить на престол, собрались все [его] сородичи на съезд, но еще не принимали [окончательного] решения. Жуй-цзун (Тулуй. — *Р. П.*) был родным младшим братом Тай-цзуна, и поэтому [Елюй] Чу-цай сказал Жуй-цзуну: «Это — великая забота династии. Надо побыстрее разрешить [ее]». На это Жуй-цзун сказал: «Дело еще не готово. Можно ли выбрать другой день?» [Елюй] Чу-цай ответил: «Пропустите этот — не будет [другого более] счастливого дня» [Мункуев, 1965, с. 188] (см. также: [Султанов, 2001, с. 41]).

Как видим, намерения Тулуя были вполне очевидны: он стремился затянуть, насколько это возможно, проведение курултая, на котором следовало избрать ханом его старшего брата Угедэя, и за это время расположить монгольскую знать в свою пользу [Султанов, 2006, с. 39].

---

³ В другой части «Сборника летописей» Рашид ад-Дин отмечает, что «юрт, ставки, [имущество], казна, [семья], эмиры, нукеры, гвардия и личное войско Чингиз-хана были в его подчинении» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 107].

Интересно также отметить, что тот же Рашид ад-Дин (являвшийся, напомним, помимо всего прочего, еще и официальным придворным историографом монгольских правителей Ирана — потомков Хулагу, сына Тулуя) отмечает, что

Чингиз-хан имел в мыслях передать ему также каанство и царский престол и сделать его наследником престола, но [потом] он сказал: «Эта должность, в которой ты будешь вестись моими юртом, ставкой, войском и казной, для тебя лучше, и ты будешь спокойнее душой, — так как у тебя будет много войска, то твои сыновья будут самостоятельнее и сильнее других царевичей» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 107–108].

Подобное сообщение противоречит вышеприведенному решению Чингис-хана о назначении наследником Угедэя, но в полной мере легитимирует последующий приход к власти потомков Тулуя, которые, как известно, довольно быстро отстранили Угедэидов от власти в Монгольской империи. Вместе с тем нельзя не предположить, что слова, приписанные персидским историком Чингис-хану, могли и в самом деле использоваться Тулуем и его сторонниками в целях сохранения за ним верховной власти и затягивания организации курултая для выборов хана. Таким образом, мы не можем обвинять Тулуя в узурпации трона в полном смысле этого слова: он не предъявлял претензий на трон в обход наследника по завещанию Чингис-хана, не пытался захватить его силой. Однако будучи регентом он допустил именно «фактическую» узурпацию, т.е. попытался сохранить верховную власть в своих руках как можно дольше, пренебрегая своей обязанностью созвать курултай для избрания хана.

Но прошло слишком мало времени после смерти Чингис-хана, чтобы его потомки, родичи и сановники успели утратить пиетет к нему и пренебречь его последней волей, поэтому курултай состоялся, и воля основателя империи не была нарушена: Угедэй стал его преемником⁴. Тем не менее претензии Тулуя на верховную власть не

---

⁴ Интересно, что и сам Угедэй прекрасно осознавал прочное положение Тулуя, что нашло отражение в его словах, произнесенных на курултае, который все же состоялся в 1228 или 1229 г. Рашид ад-Дин излагает этот сюжет следующим образом: «Согласно завещанию Чингиз-хана, достоинство каана утвердили за Угедей-кааном. Сначала сыновья и царевичи единодушно сказали Угедей-каану: “В силу указа Чингиз-хана тебе нужно с божьей помощью душой отдаться царствованию, дабы предводители непокорных были готовы служить [тебе] жизнью и дабы дальние и ближние, тюрки и тазики [все] подчинились и покорились [твоему] приказу”. Угедей-каан сказал: “Хотя приказ Чингиз-хана действует в этом

прошли для него бесследно: брат-хан до конца жизни так и не доверял ему полностью. Ближайшим соратником и фактическим соправителем Угедэя на протяжении всего его правления являлся не Тулуй, а старший брат Чагатай, в отличие от младшего свято соблюдавший волю отца и никогда не претендовавший на главенство в империи⁵. Во время войны против империи Цзинь в Северном Китае Тулуй поначалу возглавлял боевые действия против чжурчженей, однако вскоре Угедэй, несмотря на явные военные успехи младшего брата, сначала отозвал его ко двору, поручив верховное командование полководцу Субэдэй-багатуру, а затем и вообще лично возглавил войска [Бичурин, 2005, с. 113; Рашид ад-Дин, 1960, с. 21; Храпачевский, 2009, с. 164–165, 229]. Когда же Тулуй умер, Угедэй отказывался признавать заслуги брата: после завоевания Китая он даже не намеревался выделить потомкам Тулуя владения на вновь присоединенных территориях и пошел на это только после многократных увещеваний Сорхактани, вдовы брата [Мэн, 2008, с. 33; Росссаби, 2009, с. 37–38].

смысле, но есть старшие братья и дяди, в особенности старший (sic! — *P. II.*) брат Тулуй-хан достойнее меня, [чтобы] быть облеченным властью и взять на себя это дело; так как по правилу и обычаю монголов младший сын бывает старшим в доме, замещает отца и ведает его юртом и домом, а Улуг-нойон — младший сын великой ставки. Он день и ночь, в урочный и неурочный час находился при отце, слышал и познал порядки и ясу. Как я восседаю на каанство при его жизни и в их присутствии?” Царевичи единогласно сказали: “Чингиз-хан из всех сыновей и братьев это великое дело вверил тебе и право вершить его закрепил за тобой; как мы можем допустить изменение и переименование его незыблемого постановления и настоящего приказа?” После убедительных просьб и многих увещеваний Угедэй-каан счел необходимым последовать повелению отца и принять указания братьев и дядей и дал согласие» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 19]. Конечно, отказ Угедэя от предложенного ему трона в значительной степени являлся данью традиции: еще с давних времен монгольские ханы при воцарении должны были вести себя подобным образом, предлагая «более достойные» кандидатуры — так поступал в свое время и сам Чингис-хан, когда ему впервые был предложен ханский титул [Палладий, 1866, с. 93–94; Козин, 1941, с. 137] (см. также: [Грум-Гржимайло, 1926, с. 405–406]). Правда, интересно отметить, что при описании обстоятельств воцарения Тэмуджина — будущего Чингис-хана автор «Сокровенного сказания» не упоминает, что он отказывался от предлагаемого ему трона. Лишь впоследствии, когда избравшие его родичи изменили ему, откочевав к кераитскому Ван-хану, Тэмуджин через своих послов укорил их, напомнив, что такой отказ имел место, и у каждого из них был шанс стать ханом вместо самого Тэмуджина.

⁵ Обоснованные доводы в пользу фактического соправительства Угедэя как законно избранного хана и Чагатая как главы рода и правителя западного крыла империи приводит В.В. Трепавлов [1993, с. 77–78].

В монгольской имперской и постимперской историографии, однако, Тулуй представлен как воплощение всех добродетелей, активный помощник сначала своего отца Чингис-хана, а затем — и брата Угедэя. Сначала он содействовал отцу и брату в их завоеваниях в Средней Азии и Китае, проявив себя умелым полководцем, а затем — и любящим братом, пожертвовавшим своей жизнью, чтобы спасти брата-хана. Согласно монгольским летописям, а также и сообщению персидского историка Рашид ад-Дина, создававшего свой «Сборник летописей» при дворе персидских ильханов — прямых потомков Тулуя, во время похода Угедэя в Китай местные духи наслали на Угедэя страшную болезнь, у него отнялся язык и он вообще был близок к смерти. Шаманы заявили, что спасти хана сможет только одно — если за него пожертвует жизнью его родственник, и Тулуй, выпив заговоренную воду, скончался, а Угедэй поправился [Палладий, 1866, с. 153–154; Козин, 1941, с. 192–193] (ср.: [Рашид ад-Дин, 1960, с. 22–24, 107–110]; см. также: [Почекаев, Почекаева, 2012, с. 60–61])⁶. Впрочем, подобные панегирики первому регенту Монгольской империи в монгольской же историографии не удивительны: ведь в Монголии с середины XIII до первой четверти XX в. у власти находились преимущественно его потомки! Трудно не предположить, что трогательная история о смерти Тулуя в качестве искупительной жертвы за венценосного брата — всего лишь более поздняя историографическая попытка «реабилитации» Еке-нойона после его попытки (пусть и не явной) нарушить завещание отца и начать борьбу за трон [Franke, 1978, р. 23–24]. Вероятно, той же цели служит и утверждение Рашид ад-Дина о том, что Тулуй

большой частью состоял при Угедей-каане и проявил старания в возведении его в каанское достоинство⁷,

⁶ Л.Н. Гумилев считает версию о «героической смерти» Тулуя реальным фактом [Гумилев, 1995, с. 124]. Из придворных историков монгольских ханов только Алла ад-Дин Джувейни (1226–1283) отмечает, что Тулуй умер из-за пьянства: в последние годы жизни он слишком активно «предавался круговороту чаш вина с утра и до самого вечера» [Juvaini, 1997, р. 549] (см. также: [Россаби, 2009, с. 36]; ср.: [Мэн, 2008, с. 26–27]). Любопытно, что Джувейни писал свою «Историю завоевателя мира» по приказу хана Мунке — сына Тулуя, и тем не менее включил в нее такое сообщение. Вероятно, в глазах Чингисидов пьянство не было таким уж страшным пороком — и в самом деле многие из представителей «золотого рода» известны в истории своим пристрастием к алкоголю (подробнее см.: [Гатин, 2011]).

⁷ Зная о позиции Тулуя, нельзя не увидеть некоторого лукавства в вышеприведенном утверждении Рашид ад-Дина [1960, с. 110].

в котором нельзя не усмотреть лукавства придворного историка персидских ильханов — потомков первого регента Монгольской империи.

В заключение стоит отметить, что хотя сам Тулуй и не добился ханского титула, в официальной придворной историографии (правда, создававшейся, как уже неоднократно отмечалось, при его прямых потомках) он фигурирует в качестве монарха: Рашид ад-Дин именуется его «Тулуй-хан», а в «Юань ши» он упоминается с храмовым императорским именем «Жуй-цзун» [Бира, 1978, с. 106]. Кроме того, своим примером он создал довольно опасный прецедент, в соответствии с которым появлялось еще одно преимущество в претензиях на власть — правление в «коренном юрте», которое при определенных обстоятельствах могло стать решающим фактором в соперничестве за трон и ханский титул. Именно этот довод впоследствии использовал Арик-Буга — сын самого Тулуя, начав длительную и кровавую борьбу за трон со своим родным братом Хубилаем.

Узурпаторы поневоле: сыновья Гуюка в борьбе за отцовский трон. Следующий переходный период, а с ним и новое регентство наступили довольно быстро — после скоропостижной смерти Гуюк-хана в 1248 г. Формально регентшей стала ханша Огул-Гаймиш, вдова Гуюка — по воле двух наиболее влиятельных в то время в Монгольской империи лиц: Бату, правителя Золотой Орды, и Сорхактани, вдовы Тулуя и правительницы «Коренного юрта». Однако, как сообщают имперские историки Джувейни и Рашид ад-Дин, власть регентши была лишь номинальной, и мало кто ее признавал, не исключая ее родных сыновей Наку и Ходжи, которые сами видели себя правителями и вели себя соответственно, фактически узурпировав властные полномочия.

Надо сказать, впрочем, что некоторые основания для претензий на власть у них имелись. Дело в том, что когда Гуюк был избран ханом, он, после традиционного отказа от власти в пользу «более достойных родственников», соизволил, наконец, принять ханский титул, но поставил следующее условие:

«Я соглашусь на том условии, что после меня [каанство] будет утверждено за моим родом». Все единодушно дали письменную присягу: «Пока от твоего рода не останется всего лишь кусок мяса, завернутого в жир и траву, который не будут есть собака и бык, мы никому другому не отдадим ханского достоинства» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 119].

Как видим, Гуюк предпринял попытку заполнить пробел в законодательстве о престолонаследии и ввести прямое правопреемство от отца к сыновьям [Султанов, 2006, с. 88]. Однако подобные действия настолько шли вразрез с древними традициями избрания ханов, что формально такая клятва не имела силы, что и вызвало последующее трехлетнее междоусобице.

Тем не менее Бату и Сорхактани, действуя в собственных интересах, в какой-то степени подтолкнули Науку и Ходжу к фактической узурпации власти. В 1249 г. Бату собрал в своих владениях Чингисидов, нойонов и военачальников, которые обсудили ситуацию в Монгольской империи и решили

из уважения к сыновьям Гуюка оставить власть в их руках, пока не будет созван курултай [Juvaini, 1997, p. 264].

Ободренные таким решением, Наука и Ходжа вернулись в Монголию, где тотчас создали собственные, практически ханские дворы, стали отдавать распоряжения и даже издавали ярлыки — указы, право издания которых принадлежало исключительно законно избранным монархам [Рашид ад-Дин, 1960, с. 122; Juvaini, 1997, p. 265]. При этом оба претендента на трон совершенно не учли, что принятое в их пользу решение и их собственные последующие действия противоречили официальному признанию их матери в качестве регентши. Они постоянно конфликтовали с ней в течение всего своего самовольного «правления» — равно как и между собой, и со старшими родственниками, а также с канцлером Чинкаем, мнение которого они должны были учитывать в соответствии с решением курултая 1249 г. [Рашид ад-Дин, 1960, с. 122; Juvaini, 1997, p. 265].

Мы уже высказывали мнение, что признание регентшей слабовольной и неопытной Огул-Гаймиш, а затем и фактическое предоставление аналогичных полномочий ее сыновьям представляло собой целенаправленную деятельность Бату и Сорхактани по дискредитации рода Угедэя и подготовке «общественного мнения» к выдвижению в качестве претендента на трон представителя другой ветви Чингисидов. Сыновья Гуюка в этом смысле полностью оправдали ожидания своих старших родичей [Почекаев, Почекаева, 2012, с. 50–51].

Тем не менее Науку и Ходжу, даже когда большинством Чингисидов уже была фактически согласована в качестве будущего хана кандидатура их двоюродного дяди Мунке, сына Тулуя, упрямо продолжали цепляться за свои властные полномочия, по-прежнему упирая на обещание, данное участниками курултая 1246 г. их отцу о том, что

власть останется за их родом. Вероятно, они так и не уяснили для себя, что завешание предшественника, в соответствии с правовыми взглядами Чингисидов и монгольской знати, являлось не более чем одним из возможных оснований для претензий на власть и далеко не всегда доминирующим. Если в 1229 г. подобное завешание Чингис-хана было выполнено, то уже при избрании Гуюка его воля была проигнорирована: Чингис-хан следующим ханом после Угедэя завещал выбрать Годана — второго сына самого Угедэя [Juvaini, 1997, p. 251] (см. также: [Бартольд, 1963*в*, с. 553]), однако на курултае 1246 г. большинство сошло на том, что Годан болен⁸ и не сможет эффективно править, почему ему и предпочли его старшего брата Гуюка. Аналогичным образом было проигнорировано и завешание самого Угедэя, который видел своим преемником не Гуюка, а внука — Ширэмуна, «который был очень одарен и умен» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 118–119]. Естественно, имея в качестве прецедентов нарушение завещаний двух ханов (в том числе и самого Чингис-хана), монгольская знать вовсе не чувствовала себя связанной обещанием, данным третьему!

Выдвигая Мунке как кандидата на ханский трон, Бату подчеркивал его личные качества — мудрость, храбрость, опыт в командовании войсками в походах. Сыновья же Гуюка и их сторонники могли противопоставить этому по-прежнему только обещание, данное их отцу при избрании. Именно этот довод неоднократно приводился самими Наку и Ходжой, а также их приверженцами в течение трехлетних споров по поводу избрания нового хана. Так, в своем послании к Бату они писали:

Царская власть полагается нам, как же ты [ее] отдаешь кому-то другому? [Рашид ад-Дин, 1960, с. 131].

Их сторонник Ильджидай-нойон из племени джалаир прямо на курултае, на котором формально должно было состояться избрание Мунке, заявил:

Вы все постановили и сказали, что до тех пор пока будет от детей Угедэя-каана хотя бы один кусок мяса и если его завернуть в траву, — и корова ту траву не съест, а если его обернуть жиром, — и собака на тот жир не посмотрит, — мы [все же] его примем в ханство, и кто-либо

---

⁸ Согласно позднесредневековой «Истории Эрдэни-дзу», Годан страдал от какой-то кожной болезни под названием «алаг-марья», от которой он, впрочем, позднее излечился, якобы проникнувшись идеями буддизма [История, 1999, с. 149].

другой не сядет на престол. Почему же теперь вы поступаете по-другому? [Рашид ад-Дин, 1952a, с. 95].

Надо полагать, Наку и Ходжа осознавали ненадежность своего положения, поскольку не могли ни чем другим, кроме воли своего отца, подкрепить его, однако от власти отказываться не собирались и всячески старались затянуть проведение курултая, на котором они оказались бы ее официально лишены. Эта ситуация очень сильно напоминает позицию их двоюродного деда Тулуя перед избранием их родного деда Угедэя с той только разницей, что у Тулуя в руках была реальная власть, тогда как сыновья Гуюка обладали лишь ее видимостью.

Видя, что на сыновей Гуюка не действуют никакие разумные доводы — например, об их молодости, о том, что хан избирается всеобщим решением на курултае, а не вступает на престол по завещанию предшественника, Бату и его сторонники были вынуждены пойти на радикальную меру. Выдвинув против рода Угедэя многочисленные обвинения в нарушении имперского права, другие Чингисиды и монгольская знать признали их недостойными ханской власти и официальным решением курултая лишили права занимать ханский трон [Рашид ад-Дин, 1960, с. 80] (см. также: [Бартольд, 1963b, с. 558; Почекаев, 2006, с. 233–234; Allsen, 1987, p. 34–38]).

Наку и Ходжа даже после воцарения Мунке не были привлечены к ответственности за свою узурпацию надо полагать потому, что, хотя они и держали свои собственные дворы и издавали ханские ярлыки, прямых попыток добиться трона в обход действующих законов не предпринимали. Однако когда сыновья Гуюка и их сторонники все же предприняли попытку совершить переворот и устранить Мунке, только что избранного ханом, они были преданы суду и понесли соответствующее наказание за то, что «преступали закон и имели особые замыслы» [Храпачевский, 2009, с. 238]: Наку (как и его ближайший сообщник Ширэмун) был сослан в действующую армию, а Ходжа, непосредственно в заговоре не участвовавший, лишился своих владений, получив взамен удел в более отдаленной области, тогда как менее знатные участники заговора были казнены (подробнее см.: [Почекаев, Почекаева, 2012, с. 53–56]).

Как видим, отсутствие четких правил наследования ханского трона в Монгольской империи в очередной раз привело к длительному междуцарствию, когда власть (хотя бы частично) оказалась почти на два года в руках молодых, неопытных царевичей, которые претендовали и на большее. Несмотря на то что они фактически узурпирова-

ли властные полномочия, официальных норм для отстранения их от власти у старших родственников не было, почему и понадобилось специальное решение курултая, которым они и все их семейство обвинялись в преступлениях, позволяющих лишить их каких бы то ни было прав на ханский титул и власть в империи. Впрочем, законность такого решения, в свою очередь, была проблематичной, что и привело в дальнейшем, как мы увидим ниже, к активной борьбе потомков Угедэя за власть в Монгольской империи и ее отдельных улусах.

§ 2. Конкуренты в борьбе за трон как узурпаторы в глазах друг друга

Вышеприведенные примеры узурпации имели место в периоды междуцарствия, когда монарх умер, а его преемник еще не был избран. Ниже будут рассмотрены примеры обоснования своих претензий на власть претендентами, бросавшими вызов ханам, которые уже прошли процедуру избрания на курултае и, соответственно, являлись легитимными монархами.

Легитимация победой: Хубилай против Арик-Буги. Хан Мунке скончался в 1259 г., а уже в 1260 г. практически одновременно состоялись два курултая, на которых два брата покойного хана были провозглашены его преемниками. В июне-июле 1260 г. Хубилай созвал курултай в китайском городе Кайпин, на котором представители ханского правящего рода, монгольской знати и военного командования провозгласили его ханом. По утверждению Рашид ад-Дина, это было сделано в ответ на то, что Арик-Буга объявил себя ханом в Монголии [Рашид ад-Дин, 1960, с. 160], современные же авторы считают, что Хубилай первым объявил себя преемником Мунке, и Арик-Буга сделал то же самое лишь в ответ на его действия (см., напр.: [Гумилев, 1992а, с. 165–166]).

Таким образом, различные авторы — как средневековые хронисты, так и современные исследователи — при изучении событий 1260–1264 гг., как правило, оправдывают либо Хубилая, либо Арик-Бугу. В официальной монгольской историографии (имперской, позднесредневековой и даже современной) утвердилось мнение, что Арик-Буга был всего лишь узурпатором власти, самовольно и без всяких на то оснований («по глупости», как писал Рашид ад-Дин) провозгласившим себя ханом; разделяют эту позицию и современные исследователи, опирающиеся на упомянутые источники [Рашид ад-Дин, 1960, с. 157–163; Эрдэнипэл, 2005, с. 189] (см. также: [История,

1954, с. 105; Мэн, 2008, с. 119–120]; ср.: [Чхао, 2008, с. 28]). Ряд же авторов полагают, что как раз Арик-Буга имел все права на ханский трон, тогда как Хубилай был не только узурпатором, но и похитителем монгольских традиций, которым предпочитал китайские [Гумилев, 1992a, с. 165–167; Далай, 1983, с. 34 и след.; Хафизов, 2000, с. 44] (ср.: [Россаби, 2009, с. 88, 95]).

Позиция средневековых авторов объясняется достаточно просто: им приходилось разделять официальную идеологию ханских дворов, при которых они создавали свои произведения [Султанов, 2000]. Современные же исследователи довольно опрометчиво доверяют сведениям своих средневековых коллег, фактически «становясь на сторону» одного из претендентов. На наш взгляд, в конфликте между Хубилаем и Арик-Бугой было бы некорректным обвинять в узурпации одного из них, а второго, соответственно, объявлять законным монархом — в данном случае имела место именно борьба различных факторов легитимации. Арик-Буга был младшим сыном старшей супруги своего отца Тулуя — соответственно, обладателем «коренного юрта» и хранителем домашнего очага, отчигином, или эцзеном⁹. Однако никаких достоинств (за исключением личного мужества) у него не было, что признают даже те авторы, которые считают Арик-Бугу законным ханом [Гумилев, 1992a, с. 165; Далай, 1983, с. 34–35]. Хубилай же, во-первых, являлся старшим из остававшихся в живых братьев покойного брата Мунке и уже успел себя зарекомендовать как талантливый военачальник и администратор. Таким образом, каждый из братьев при равном происхождении имел ряд дополнительных факторов, позволявших им предъявить претензии на трон.

Таким образом, борьба между двумя братьями являлась борьбой равнозначных факторов легитимации, и только военная сила позволяла поставить окончательную точку в этом конфликте. Это понимали и сами претенденты на трон, и Чингисиды, поддерживавшие каждого из них, поскольку противостояние претендентов на монгольский трон отвлекало их от контроля за остальными улусами империи и позволяло местным правителям проводить фактически независимую политику.

⁹ В «Алтан Тобчи» Лубсана Данзана Арик-Буга, как и его отец Тулуй, назван «владыкой», т.е. «эзеном» [Лубсан Данзан, 1973, с. 244]: этот термин и в современном монгольском языке означает «хозяин дома» [БАМРС, 2002, с. 402]. Вместе с тем уже современник Арик-Буги и Хубилая, среднеазиатский автор Джамал ал-Карши (не являвшийся сторонником ни одного из соперников) подчеркивал, что Арик-Буга, остававшийся после Мунке правителем «коренного юрта», «замещал его временно, а не сменил его» [Карши, 2005, с. 123].

Подтверждением такой точки зрения служит даже состав представителей «золотого рода» на курултаях, провозгласивших ханами Арик-Бугу и Хубилая. Так, в возведении на трон Арик-Буги участвовали правительница Чагатайского улуса Эргэнэ-хатун (вдова Кара-Хулагу, внука Чагатая), Асутай и Урункташ — сыновья хана Мунке, Карачар — сын Орду (сына Джучи), Алгуй — внук Чагатая, Есу — сын Кадака (сына Чагатая), Курмиши и Начин — сыновья Кадана (сына хана Угедэя), Наймадай — сын Тогачара (внука Тэмугэ-отчигина) и один из сыновей Белгутэя [Рашид ад-Дин, 1960, с. 159–160]. Хубилая же на созванном им курултае поддержали, в частности, Чинг-Тимур, сын Кадака (сына Чагатая), Есунке (сын Хасара, брата Чингис-хана), Тогачар (сын Тэмугэ-отчигина), Чавту (сын Белгутэя) [Муизз, 2006, с. 28], Еке-Кадан и Нарин-Кадан [Рашид ад-Дин, 1960, с. 160]¹⁰. Таким образом, в лагерях разных претендентов оказались близкие родственники: родные братья Есу и Чинг-Тимур, Тогачар и его сын Наймадай, два сына Белгутэя; по некоторым сведениям, либо Еке-Кадан, либо Нарин-Кадан (их родословная Рашид ад-Дином не уточняется) — это Кадан, шестой сын хана Угедэя (см.: [Гумилев, 1992а, с. 165]; ср.: [Рашид ад-Дин, 1960, с. 158]), в таком случае против него, союзника Хубилая, выступили на стороне Арик-Буги двое его сыновей. Очень трудно предположить, что близкие и равные друг другу по статусу царевичи могли бы поддержать узурпатора против законного монарха — несомненно, каждая партия ставила на соответствующий фактор легитимации каждого из претендентов.

Однако Арик-Буга, в отличие от Хубилая, предпринял попытку откровенной фальсификации в целях повышения своей легитимности. Во все монгольские улусы от его имени были разосланы послания следующего содержания:

Хулагу-хан, Берке и царевичи согласились и объявили меня кааном, не обращайтесь на слова Кубилая, Тогачара, Йисункэ, Еке-Кадана и Нарин-Кадана и не слушайте их приказов [Рашид ад-Дин, 1960, с. 160].

Ни о какой поддержке Арик-Буге со стороны Хулагу — правителя (впоследствии — ильхана) Ирана и Берке — правителя Улуса Джучи (Золотой Орды) речи фактически не шло. Эти два самых влиятельных

---

¹⁰ В связи с этим представляется некорректным утверждение Л.Н. Гумилева о том, что Хубилая поддержали лишь его воины, да и то преимущественно немонгольского происхождения, тогда как «из Чингизидов... только два принца: Кадан, сын Угедэя, и Тогачар, сын Тэмугэ-отчигина» [Гумилев, 1992а, с. 165].

улусных правителя Монгольской империи даже не соизволили прибыть ни на один из курултаев. Каждый из них номинально поддержал одного из претендентов: Берке — Арик-Бугу, а Хулагу — Хубилая, однако эта позиция отражала не столько реальное признание каждым из них соответствующего претендента на трон, сколько их собственное противостояние (как известно, именно при Берке и Хулагу началась почти столетняя война Золотой Орды и Ирана за Азербайджан) [Закиров, 1966, с. 10–11; Мэн, 2008, с. 121; Chambers, 2001, p. 156] (ср.: [Арсланова, 2004; Mirgaliev, 2012]). Отношения же с кандидатами на трон монгольских ханов у улусных правителей складывались достаточно противоречиво.

Так, Берке выразил поддержку Арик-Буге и даже инициировал в Булгаре чеканку монеты с его именем [Мухамадиев, 1983, с. 49; Хафизов, 2000, с. 20]¹¹, однако вовсе не стремился явно его поддерживать¹². Более того, сам Арик-Буга очень настороженно относился к своему «союзнику», на что указывает, в частности, следующее сообщение:

Ариг-Бука... сказал «Самое лучшее — это чтобы Алгу, сын Байдара сына Чагатая... прислал бы нам помощь оружием и провиантом и охранил бы границу Джейхуна, чтобы войско Хулагу и войско Берке не могли прийти с той стороны на помощь Кубилаю» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 161] (см. также: [Бартольд, 1963*в*, с. 573]).

Как видим, претендент на престол не делал различий между Берке, который вроде бы был на его стороне, и Хулагу, явным союзником Хубилая!

В свою очередь, Хулагу, открыто принявший сторону Хубилая (и то лишь из опасения, что Арик-Буга, заменивший правителя Ча-

¹¹ Историк-нумизмат П.Н. Петров, обратив внимание, что золотоордынские монеты с именами Мунке и Арик-Буги чеканились только в Булгаре, высказал интересное и небезосновательное предположение о том, что Мунке (а вслед за ним — Арик-Буге) принадлежали какие-то владения в этом регионе Золотой Орды [Петров, 2005, с. 171]. Впрочем, на наш взгляд, тот факт, что Берке признал наследником Мунке именно Арик-Бугу, а не Хубилая, позволяет говорить о поддержке им именно этого великого хана.

¹² Средневековый арабский автор ал-Муфаддал утверждает, что «Берке оказал помощь Арикубуге, и они (сообща) поразили войско Кубилая» [СМИЗО, 1884, с. 188]. Это сообщение, с полным доверием воспринятое, в частности, Е.П. Мыськовым [2003, с. 80], однако не подтверждается другими источниками. Еще Р. Груссе отмечал, что помощь Арик-Буге со стороны Берке не была существенной [Grousset, 2000, p. 397].

гатайского улуса, поступит точно также и относительно него, тогда как Хубилай подобных намерений не выражал), после поражения и пленения Арик-Буги активно выступил против его смертной казни — вместе с Берке и Алгуем, кажется, единственный раз придя к согласию с этими своими соперниками [Рашид ад-Дин, 1960, с. 167–168] (см. также: [Бартольд, 1963*в*, с. 575–576]). В результате, как и в случае с заговором сыновей Гуюка, жизни лишились лишь эмиры Арик-Буги, тогда как царевичи — инициаторы восстания (Арик-Буга, Асутай и др.) — сохранили и жизни, и владения. Как мы увидим далее, потомки Арик-Буги сохранили влияние в Монголии и впоследствии создали немало проблем потомкам Хубилая в этом регионе.

Очень показателен эпизод о встрече Хубилая и Арик-Буги после пленения последнего, описанный Рашид ад-Дином:

Он (Хубилай. — *Р. П.*) спросил: «Дорогой братец, кто был прав в этом споре и распре — мы или вы?» Тот ответил: «Тогда — мы, а теперь — вы» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 166].

На наш взгляд, этот диалог в полной мере отражает специфику ситуации, сложившейся в Монгольской империи в 1260–1264 гг.: при равных правах на престол Хубилай, сумевший победить своего брата-соперника силой оружия, был признан не столько как имеющий больше законных прав, сколько как победитель.

Тем не менее долго и спокойно наслаждаться ему своей властью не пришлось: вскоре после победы над Арик-Бугой против него поднялся еще один претендент на трон — Хайду, внук Угедэя.

Потомок низложенной династии и Яса Чингис-хана. Подобно Арик-Буге, Хайду представлен в монгольской имперской историографии как мятежник и узурпатор, а его действия — как бунт против законной власти (см.: [Чхао, 2008, с. 28]). И надо сказать, в отношении этого претендента на трон такая характеристика имеет больше оснований, нежели в отношении Арик-Буги. Дело в том, что, как мы помним, ок. 1250–1251 гг. Бату, правитель Золотой Орды и глава рода Борджигин, сформулировал обвинение против «детей Угедей-каана», вынеся вердикт о том, что «каанство им не подобает» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 80]. Это решение было подтверждено на курултае, на котором Мунке был возведен в ханы.

Однако с формально-юридической точки зрения оно не было законным, поскольку нарушало главный династический принцип Чингисидов — право на трон любого прямого потомкам Чингис-хана по

прямой мужской линии. Кроме того, далеко не все потомки Угедэя были виновны в тех преступлениях, в которых Бату и его соратники обвинили это семейство (как тот же Хайду, родившийся между 1233 и 1236 г.). Кстати говоря, хан Мунке, пришедший к власти именно в силу этого решения, по-видимому, сам осознавал его незаконность: в его правление Хайду получил титул тайцзы [Chavannes, 1908, p. 368–371], попав, таким образом, в число наиболее высокопоставленных Чингисидов, имевших некоторые преимущества при избрании нового хана¹³. Однако вскоре Хайду был лишен своего титула по подозрению в заговоре против Мунке, а после его смерти поддержал Арик-Бугу в борьбе с Хубилаем, но, в отличие от своего патрона, не сдался Хубилаю после поражения, а продолжил борьбу.

Сразу же после поражения Арик-Буги и сдачи его в плен Хайду начал боевые действия против Хубилая, который в результате своей победы стал единственным легитимным монархом Монгольской империи, в качестве какового и был признан остальными улусными правителями. Однако Хайду не побоялся выступить против него, подвергаясь риску прослыть мятежником и узурпатором. В 1269 г. по его инициативе в долине реки Талас прошел курултай с участием представителей Улусов Джучи, Чагатая и Угедэя, на котором эти улусы были объявлены независимыми от монгольского хана [Рашид ад-Дин, 1946, с. 71] (см. также: [Бартольд, 1943, с. 54–55; Biran, 1997, p. 26–27])¹⁴. В результате Хубилай из верховного правителя и сюзерена всех улусов Монгольской империи превратился всего лишь в одного из улусных правителей, контролировавшего, правда, значительную часть Монголии и Северный Китай.

Не удовлетворившись ролью самостоятельного улусного правителя и даже получив (также по итогам курултая) контроль над значительной частью Чагатайского улуса, в 1271 г. Хайду провел собственный курултай, на котором был провозглашен монгольским ханом в противовес Хубилаю [Biran, 1997, p. 37]. С правовой точки зрения сам факт такого курултая был незаконен: Хубилай не умер и не был низложен семейным советом Чингисидов или курултаем, поэтому не было причин созывать съезд для избрания нового хана. Формальным пово-

¹³ Э. Шаванн и А.П. Григорьев вообще переводят титул тайцзы как «наследный принц» [Григорьев, 1978, с. 24; Chavannes, 1908, p. 369].

¹⁴ Стоит отметить, впрочем, что основной целью курултая был передел владений и сфер влияния в Средней Азии, в результате чего Чагатайский улус в очередной раз лишился значительной части территорий в пользу Золотой Орды и Хайду (см.: [Караев, 1995, с. 22–23, 25]).

дом для созыва курултая стало то, что в этом году Хубилай официально принял титул китайского императора Ши-цзу, положив начало новой китайской династии Юань. Несомненно, в реальности речь шла не о превращении Монгольской империи в китайскую — с формальной точки зрения принятие китайского императорского титула по сути являлось, как сказали бы сегодня, актом личной унии, в результате которой монгольский хан становился одновременно и китайским «сыном Неба» — легитимным монархом в глазах своих новых подданных. Однако Хайду немедленно обвинил Хубилая в предательстве монгольского наследия и, по-видимому, объявил его низложенным в качестве монгольского хана. Сам Хайду провозглашал (и не только на словах) приверженность к кочевому образу жизни и степным традициям [Гумилев, 1992а, с. 168; Далай, 1983, с. 47; Хафизов, 2000, с. 22; Grousset, 2000, p. 291].

Тем не менее права Хайду на ханский трон в течение всего времени его правления оставались спорными. Другие улусные правители, заинтересованные в смуте в Монголии, поскольку это ослабляло контроль каждого из противоборствовавших ханов за другими улусами, фактически признавали ханами и Хубилая, и Хайду, время от времени поддерживая то одного, то другого¹⁵. Поэтому претендент попытался изыскать дополнительные факторы легитимации, чтобы привлечь на свою сторону больше сторонников. При этом он не останавливался перед тем, чтобы пойти на прямые фальсификации.

Так, он стал распространять слова, якобы сказанные его дедом — ханом Угедэем при его рождении:

Пусть этот мой сыночек будет моим преемником после меня [Карши, 2005, с. 119].

Апеллирование к воле прежнего хана к этому времени стало традиционным приемом в борьбе различных претендентов на престол: еще на курултае 1246 г. некоторые влиятельные нойоны выдвигали царевича Годана, второго сына Угедэя, на том основании, что «его однажды отличил Чингис-хан» [Juvaini, 1997, p. 251]. В позднесредневековых мон-

---

¹⁵ Например, золотоордынский хан Менгу-Тимур (который и получил ханский титул в Улусе Джучи благодаря инициативе Хайду по созыву Таласского курултая 1269 г.) сначала не признал ханского титула Хайду и в первой половине 1270-х годов демонстрировал всяческую поддержку Хубилаю. Однако когда он убедился, что позиции последнего в Монголии усилились, во второй половине того же десятилетия стал поддерживать Хайду (подробнее см.: [Почекаев, 2012, с. 63–64]).

гольских летописях приводятся слова, якобы сказанные Чингис-ханом пред смертью о Хубилае:

Слова мальчика Хубилая особые. Слушайте его приказаний [Золотое сказание, 2005, с. 34] (ср.: [Лубсан Данзан, 1973, с. 240]; см. также: [Далай, 1983, с. 35]).

Так, придворные историки монгольских ханов, считавшихся прямыми потомками Хубилая, обосновывали большую легитимность Хубилая по сравнению с Арик-Бугой, фактически давая понять, что Чингис-хан видел его одним из своих преемников.

Вместе с тем апеллирование к воле покойного Угедэя было не слишком убедительным доводом в пользу законности притязаний Хайду. Во-первых, как известно из источников, преемник Чингис-хана видел своим наследником вовсе не Хайду, сына Кашина, а своего другого внука — Ширэмуна, сына Куджу [Рашид ад-Дин, 1960, с. 118, 119], и, вероятно, еще были живы люди, помнившие об этом, следовательно, была опасность, что Хайду уличат в подлоге. Во-вторых, ссылка на волю Угедэя вряд ли могла привлечь на сторону его внука тех, кто поддерживал потомков Тулуя. Ведь Мунке-хан, придя к власти, под предлогом изъятия незаконно выданных ярлыков «множества ханш и царевичей» (по-видимому, имеются в виду Огул-Гаймиш и ее сыновья, пытавшиеся узурпировать власть после смерти Гуюка) приказал отменить указы и изъять жалованные грамоты всех своих предшественников на монгольском троне, не допустив исключения даже в отношении ярлыков Чингис-хана [Рашид ад-Дин, 1960, с. 141–142; Juvaini, 1997, p. 598–599]¹⁶. Что тут было говорить о воле «всего лишь» Угедэя?

Надо полагать, Хайду и сам осознавал слабость этого довода в пользу законности своих прав на престол, и потому использовал вторую, куда более хитроумный и интересный с правовой точки зрения. Он решил апеллировать к Великой Ясе Чингис-хана, заявив, что она содержит положения, дающие ему все основания претендовать на ханский титул — якобы согласно воле Чингис-хана, именно потомки Угедэя должны занимать трон Монгольской империи, соответственно его соперник Хубилай являлся не более чем узурпатором [Wassaf, 1856, S. 126] (см. также: [Караев, 1995, с. 20; Morgan, 1986, p. 170]).

¹⁶ Часть упомянутых ярлыков (в первую очередь ярлыки Чингис-хана и Угедэя) в дальнейшем была подтверждена Мунке и его преемниками: еще юаньские императоры в ряде своих жалованных грамот отмечали, что эти акты являются подтверждением привилегий, дарованных Чингис-ханом и Угедэем (см., напр.: [Поппе, 1941, с. 63–69]).

Рискованный шаг Хайду в данном случае объяснялся неопределенностью самого понятия «Великая Яса». В исследовательской литературе считается общепринятым мнение, что под этим термином фигурировал некий свод законов Чингис-хана, принятый в 1206 г. и с тех пор являвшийся основным законодательством Монгольской империи; его положения не могли быть изменены преемниками основателя империи. Однако в свете новейших исследований представляется, что Великая Яса в широком смысле означала общий правопорядок в империи, а в узком смысле — некую совокупность указов и постановлений Чингис-хана и, вероятно, его ближайших преемников, исполнение которых и обеспечивало этот самый правопорядок¹⁷. Сведения о Ясе как о своде законов («Великой книге Ясы») представлены в трудах средневековых авторов, являвшихся представителями «книжной культуры», в глазах которых такое обширное и могущественное государство как Монгольская империя, не могло управляться на основании разрозненных указов и постановлений. Следовательно, у него должна была быть собственная кодификация; сложное для понимания «немонголами» правовое явление «Великая Яса» вполне подходило на эту роль. Учитывая, что принципы созданного Чингис-ханом правопорядка касались в первую очередь организации системы высшей власти и взаимоотношения между центром и улусами империи, носителями ценностей Ясы были преимущественно потомки Чингис-хана и представители высшей монгольской знати. Соответственно, в глазах рядового населения империи, не слишком сведущего в специфике монгольского имперского права, версия историков выглядела вполне убедительно, а недоступность этих норм для сведения простых подданных монгольских ханов довольно правдоподобно объяснялась «закрытостью» и «секретностью» ее норм для всех, кроме членов «золотого рода» [Juvaini, 1997, p. 25]¹⁸.

---

¹⁷ Наиболее подробно эта точка зрения обоснована американским исследователем Д. Морганом [Morgan, 1986; 2005] (ср.: [Rachewiltz, 1993]).

¹⁸ Д. Морган с иронией отмечает, что нормы Ясы (как законодательства) были недоступны для тех, кто должен был бы их соблюдать, т.е. для подданных монгольских ханов [Morgan, 1986, p. 169]. Петербургский востоковед А.К. Алексеев попытался устранить это противоречие, предположив, что Яса поначалу распространялась только на самих Чингисидов, но со временем стала регулировать отношения во всей Монгольской империи и ее улусах [Алексеев, 2008, с. 39]. Однако его выводы противоречат, с одной стороны, сведения средневековых авторов о том, что Яса была публично провозглашена на курултае 1206 г. [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 135], а с другой — утверждение ал-Макризи о том, что еще и в XV в. она была недоступна (подробнее см.: [Ayalon, 1971, p. 100–105]).

Не исключено, что именно на этом решил сыграть Хайду, вероятно, бывший в курсе подобных представлений о Великой Ясе. Для обеспечения своей легитимности в глазах населения империи, принадлежавшего к оседлым народам Китая и особенно Средней Азии, он объявлял, что действует на основе свода законов Чингис-хана. Для кочевого же населения достаточно было того, что Хайду апеллировал к воле основателя Монгольской империи. По-видимому, такие аргументы оказались достаточно убедительны для его приверженцев: в течение 1271–1301 гг. Хайду, признаваемый значительной частью населения Монголии и Чагатайского улуса в ханском достоинстве, вел успешную борьбу сначала с Хубилаем, а затем, после его смерти в 1294 г., — с его преемником Тэмуром, в одном из сражений с войсками которого был ранен и вскоре скончался [Рашид ад-Дин, 1960, с. 13]. Надо сказать, что и его противники не брезговали подобными фальсификациями: например, персидские ильханы, близкие родственники и союзники Хубилая и его преемников, в свою очередь, утверждали, что только потомки Тулуя, имеют право на трон, поскольку именно они наиболее скрупулезно соблюдали все положения Ясы — в отличие от нарушивших их потомков Угедэя (подробнее см.: [Ayalon, 1971, p. 157–159]).

Однако в большей степени Хайду надеялся на поддержку своих претензий на трон не столько на основании ссылок на сфабрикованные им завещание Угедэя и установления Чингис-хана, а на то, что его поддержат (или по меньшей мере не будут противодействовать ему) другие улусные правители, заинтересованные в как можно меньшем контроле своей деятельности из метрополии — будь то Каракорум, Пекин, либо другой монгольский или китайский город, объявленный столицей. Так оно и оказалось: улусные правители предпочитали не принимать сторону ни «монгольского» хана Хайду, ни «китайского» хана Хубилая. Вероятно, именно поэтому некоторые средневековые авторы именуют одновременно ханами или «царями» и Хайду, и Хубилая, не пытаясь при этом делать вывод о большем преимуществе того или другого в правах на трон (см., напр.: [Карши, 2005, с. 123–124; Марко Поло, 1997, с. 353 и след.]). Также, безусловно, следует принять во внимание, что Хайду и его соперники сражались преимущественно за спорные территории в Монголии: императоры Юань не претендовали на контроль над родовыми владениями Хайду (улусом Угедэя), как и Хайду не пытался установить контроль над их владениями в Китае.

Глава 2

ОТ ИМПЕРИИ К ИМПЕРИЯМ: НОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕТЕНЗИЙ НА ВЛАСТЬ

Если борьба между Хубилаем и Арик-Бугой все еще происходила в рамках общей политики сохранения единства империи, то выступление Хайду против Хубилая фактически положило этой политике конец. Поскольку территории, контролировавшиеся Хайду, блокировали для хана — императора Юань выходы на западные улусы Монгольской империи, он утратил возможность даже номинально их контролировать. Курултай, проведенный владельцами трех западных улусов (Золотой Орды, Чагатайского улуса и улуса Угедэидов) в Таласской долине в 1269 г. стал как бы правовым закреплением фактического изменения отношений между монгольским ханом и улусными владельцами. И Хубилай, надо отдать ему должное, сумел в полной мере осознать изменение политической ситуации, всецело сосредоточив свои политические и военные усилия на востоке владений империи Чингис-хана: в Монголии, Южном Китае, позднее — в Японии, Вьетнаме и Индонезии [Акимбеков, 2011, с. 295, 310–311, 389] (ср.: [Dardess, 1973, p. 7–10]). Остальные же улусы были предоставлены «сами себе», и хотя на рубеже XIII–XIV вв., после смерти Хубилая, была предпринята попытка восстановления Монгольской империи, она возродилась уже на новом уровне — как конфедерация, содружество независимых государств, в которой императору Юань принадлежало лишь номинальное верховенство (подробнее см.: [Почекаев, 2009a]).

В политическом отношении эти изменения означали, что теперь борьба за власть, ранее шедшая за трон всей Монгольской империи, началась и в улусах. Безусловно, мы не можем утверждать, что пока владения Джучидов, Чагатаидов, Угедэидов и Хулагуидов формально и фактически подчинялись властям из Каракорума, в них не происходило никакой политической борьбы. Различные Чингисиды, поддерживаемые разными влиятельными родоплеменными кланами, и в течение первых трех четвертей XIII в. старались захватить власть в том

или ином улусе. Однако, во-первых, они не претендовали на ханский титул, во-вторых, в конечном счете решение о правителе каждого улуса (по крайней мере формально) оставалось за верховным правителем империи¹⁹. Соответственно, боровшиеся за власть улусные владельцы юридически не считались узурпаторами и не имели необходимости задействовать широкий арсенал правовых средств для обоснования своей власти. В изменившейся же ситуации ставки в политической игре существенно возросли: на кону стоял уже ханский трон, и претендентам было необходимо доказывать свои права на него. Однако те правовые средства, которые были актуальны для Монгольской империи — ссылки на волю Чингис-хана и на общеимперские правила наследования, оказывались неактуальными в новых условиях. Во-первых, они перестали вызывать доверие в силу постоянного злоупотребления ими; во-вторых, в новых государствах Чингисидов появилась необходимость адаптировать монгольскую политико-правовую систему к местным традициям государственности и права. Поэтому Чингисиды, считавшие, что власть в том или ином улусе принадлежит им, но не получившие ее законным образом (в результате избрания на курултае), стали изобретать новые правовые обоснования своих претензий.

§ 1. Претензии на власть на основании происхождения и статуса

Происхождение и место в семейной иерархии «золотого рода» являлось одним из важных оснований, которыми пользовались претенденты на трон — как пытавшиеся избраться в ханы законным путем, на курултае, так и старавшиеся добиться трона в обход закона. Естественно, наиболее веским из таких оснований было старшинство в роду, поскольку в восточных обществах уважение к старшим до сих пор является действующей традицией. И нередко именно это основание в качестве главного фактора своей легитимации выдвигали члены ханского рода, которых при избрании на курултае «обошли» в пользу их младших родственников.

По мнению некоторых исследователей, в тюрко-монгольских государствах существовала лестничная система наследования, т.е. власть

---

¹⁹ Так, Хубилай в свое время выдавал ярлыки о признании Борака правителем Чагатайского улуса, Абагу — монгольского Ирана, а Менгу-Тимура — Улуса Джучи (Золотой Орды) [Рашид ад-Дин, 1946, с. 67; 1960, с. 98, 168].

после смерти правителя должна была перейти к старшему из оставшихся в живых родственников — обычно следующих по старшинству братьев [Султанов, 2006, с. 91]²⁰. Официальной правовой нормы в отношении такого правила наследования, впрочем, в тюрко-монгольском мире не существовало, хотя и имел место ряд прецедентов. По-видимому, первым из них было решение монгольского хана Гуюка назначить в 1246 г. правителем Чагатайского улуса своего друга Есу-Мунке, сына Чагатая, в ущерб уже назначенному ранее правителю — Кара-Хулагу, внуку Чагатая. Хан обосновал свое решение следующей фразой:

Как может быть наследником внук, когда сын находится в живых?
[Рашид ад-Дин, 1960, с. 119].

Впоследствии, упирая на свое старшинство, многие члены «золотого рода» стали заявлять о своем непризнании избранных монархов и претендовать на трон. Так, например, Хуладжу, представитель рода Хулагуидов — правящей династии монгольского государства ильханов в Иране, буквально последовал решению хана Гуюка. В 1289 г. он провозгласил себя ильханом, обосновав это тем, что он — сын Хулагу, основателя династии, тогда как находившийся на троне ильхан Аргун — всего лишь его внук и, следовательно, племянник самого Хуладжу [Рашид ад-Дин, 1946, с. 110, 145].

Опираясь на старшинство, предъявляли претензии на власть не только представители разных поколений, но и старшие братья по отношению к младшим. Так, в 1328 г., когда после очередного переворота на трон империи Юань должен был вступить Ток-Тэмур (Дзайагату-хан, император Вэньцзун), его старший брат Хошала (Хутукту-хан, император Минцзун) тут же предъявил права на трон и заявил, что уже был признан ханом в Монголии [Далай, 1983, с. 128; Dardess, 1973, p. 20]. В той же империи Юань в 1332 г. на трон вступил малолетний Ринчинбал (Хутукту-хан, император Нинцзун), сын Хошалы, однако буквально через месяц в столицу явился его старший брат Тогон-Тэмур (Ухагату-хан, император Шуньди), заявивший, что имеет больше прав на трон, и с его ведома младший брат был отравлен, освободив трон для старшего [Далай, 1983, с. 128; Чуан, 2010, т. 20; History, 2006, p. 557].

---

²⁰ В подтверждение своей позиции Т.И. Султанов приводит действительно яркий пример подобной формы наследования: в течение 1309–1334 гг. на троне Чагатайского улуса к власти поочередно приходили пять братьев — пять сыновей хана Дуву: Эсен-Буга, Кебек, Ильчигидай, Дурра-Тимур и Тармашины.

Из вышеприведенных примеров видно, что лествичное право в тюрко-монгольских государствах отнюдь не было распространено в качестве главного основания для претензий на трон. Напротив, настолько многочисленные случаи, когда старшие родичи выражали несогласие с избранием в ханы младших, свидетельствуют об обратном: мало было являться старшим в роду, чтобы стать ханом²¹. Кроме того, в некоторых случаях могло сыграть роль и противоположное семейное положение — статус младшего в роду. Порой младшие представители рода претендовали на трон, упирая именно на свое особое положение. Ведь после смерти монгольского хана Мунке его брат Арик-Буга, будучи младшим в роду, был оставлен управлять «Коренным юртом» в Монголии, когда Мунке отправился в поход против китайской империи Сун. Полагая, что наместничество в «Коренном юрте» дает ему приоритет в наследовании трона Монгольской империи, он, узнав о смерти старшего брата, тут же объявил себя правителем и созвал курултай для своего утверждения [Рашид ад-Дин, 1960, с. 160] (см. также: [Россаби, 2009, с. 95]; ср.: [Гумилев, 1992а, с. 165–167; Далай, 1983, с. 34; Хафизов, 2000, с. 44]).

В некоторых случаях основанием для претензий на власть в обход курултая или в ущерб уже правившему законному монарху могло стать положение фактического наследника трона. Так, например, будущие ильханы Аргун и его сын Газан выдвигались как претенденты на трон, являясь наместниками своих отцов в Хорасане: обладание этой должностью рассматривалось как признание наследником трона [Рашид ад-Дин, 1946, с. 99, 128]²².

Вместе с тем порой статус того или иного претендента на трон повышался путем генеалогических фикций и даже фальсификаций. Так, например, в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дин называет иль-

---

²¹ Своеобразным подтверждением этого вывода служит судебное решение Мухаммада Шайбани-хана, основателя Бухарского ханства, разбиравшего спор о наследстве между внуком от умершего старшего сына и вторым сыном покойного. Не найдя устраивавшего его решения в мусульманском праве (а хан склонялся к мысли о приоритете внука), он вынес решение, велел «поступать по установлению Чингиз-хана» [Ибн Рузбихан, 1976, с. 59–60]. Как видим, в данном случае ни о каком лествичном праве речи не идет.

²² Впрочем, вероятно, в данном случае мог учитываться не только сам факт занятия соответствующего поста, но и проявленные за время обладания им способности и качества в сфере управления, военном деле и т.п. — что, как отмечает Т.И. Султанов, рассматривалось как одно из веских оснований для претензий на трон [Султанов, 2006, с. 90].

хана Абагу (деда своего покровителя Газана) старшим сыном Хулагу — основателя чингисидской династии правителей Ирана [Рашид ад-Дин, 1946, с. 19]. Соответственно, другие Чингисиды, бросавшие вызов Аргуну и Газану, характеризуются придворным историком как узурпаторы: именно в таком ключе он трактует события 1289 г., когда Аргун расправился со своим двоюродным братом Джушкабом и еще несколькими царевичами-Хулагуидами, и 1302/1303 г., когда Газан подавил выступление царевича Альфранга и казнил многих его сторонников, включая представителей духовенства [Там же, с. 122, 198–199]. Между тем, согласно сведениям ас-Сафади, египетского хрониста середины XIV в., старшим сыном Хулагу был не Абага, а Джумкур, отец вышеупомянутого Джушкаба. Соответственно, последний имел даже некоторые преимущества перед Аргуном в борьбе за власть. Что же касается претензий на власть Альфранга, то он, как и Газан, был сыном ильхана (Гайхату), и его поддерживала группировка представителей мусульманского духовенства, соперничавшая за власть и влияние с той, к которой принадлежал историк Рашид ад-Дин²³.

В последние годы правления золотоордынского хана Узбека, по некоторым сведениям, его соправителем являлся его второй сын Джанибек. Еще при жизни Узбека, в 1340–1341 гг., появляются монеты с именем Джанибека, что, как полагают исследователи, могло свидетельствовать о фактическом признании его соправителем-наследником отца (см., напр.: [Винничек, Лебедев, 2004, с. 123; Григорьев, Григорьев, 2002, с. 42; Федоров-Давыдов, 1963, с. 186]). В 1340 г. папа римский Бенедикт XII направил три письма в Золотую Орду — хану Узбеку, ханше Тайдуле и царевичу Джанибеку, что также свидетельствует об особом статусе последнего среди сыновей Узбека и других Джучидов [Юргевич, 1863, с. 1004–1005]. Когда же Узбек умер, и его старший сын Тинибек двинулся к ханской ставке, чтобы на правах старшего предъявить права на трон, Джанибек уже настолько свыкся с мыслью о своем правлении, что даже сказал матери:

Вот теперь является брат мой, чтобы отнять у меня царство [СМИ-ЗО, 1884, с. 263].

При помощи Тайдулы он выступил против старшего брата, не признав его ханом.

---

²³ Личная консультация Дж. Брэка (J. Brack) докторанта Мичиганского университета (29.06.2014) на конференции «Mobility and Transformations: Economic and Cultural Exchange in Mongol Eurasia» (Иерусалим, 29.06–02.07.2014).

Опора на статус как основание претензий на власть в постимперский период. Считаем целесообразным отметить, что подобное основание претензий на власть использовалось не только в имперский период тюрко-монгольских государств: Чингисиды нередко опирались на него и в дальнейшем, вплоть до XVII–XVIII вв. Так, в 1661 г., после смерти монгольского правителя Дзасагту-хана Норбо, его преемником был избран его второй сын Ванчок, а не старший — Цу-Мэргэн, которого подданные не любили. Однако последний, опираясь на свое право первородства, сумел привлечь на свою сторону ряд других монгольских правителей, разгромил и убил брата и захватил ханский трон [Позднеев, 1883, с. 168–170] (см. также: [Кычанов, 1980, с. 48–49]).

Подобные примеры имели место не только в периоды междоусобицы, когда обострялась борьба за трон. Порой даже решение хана относительно своего потенциального наследника (о завещаниях ханов как основании для претензий на трон мы поговорим ниже) становилось поводом для интриг, мятежей и проч. Так, в 1664 г. кашгарский хан Абдаллах решил назначить своим наследником второго сына — Нур ад-Дина, а не старшего, Юлбарса, который считался таковым в течение 20 лет. Возмущенный старший сын начал мятеж против отца [Чурас, 1976, с. 233–237] (см. также: [Караев, 1995, с. 116–117]). Схожая ситуация возникла в Бухарском ханстве в правление Аштарханида Надир-Мухаммада, когда против него поднялась часть бухарской знати, возмущенная явным предпочтением ханом своих прежних сановников, которых он перевел в столицу из своего бывшего удела в Балхе. Решив свергнуть хана, в 1645 г. они выставили против него в качестве равнозначного претендента его же старшего сына Абд ал-Азиза [Ахмедов, 1982, с. 109–110].

Со временем, когда отдельные ханские династии, представлявшие собой ветви Чингисидов, существенно размножились, вопросы о старшинстве стали еще более запутаны, чем ранее. И теперь претендовать на власть на основании старшинства мог не только близкий родственник — дядя или старший брат, но и весьма отдаленный родич. Примеры такого соперничества в борьбе за власть были нередки в Казахстане. Наверное, один из наиболее ярких примеров — противостояние знаменитого казахского хана Абу-л-Хайра и его дальнего родственника султана Борака. Абу-л-Хайр происходил от Усека, девятого сына Джанибека, одного из основателей Казахского ханства, жившего во второй половине XV в., и был первым ханом в своем роду. Борак же являлся потомком Джадыка, одного из старших сыновей Джанибека, и несколько его прямых предков (а также родной брат)

уже правили казахами. Поэтому Борак с самого начала противился избранию Абу-л-Хайра в ханы, а в 1748 г. убил его. Дело убийцы рассматривали бии — выборные народные судьи, перед которыми он сумел оправдаться, упирая на то, что

сво-де (Абу-л-Хайр-хана. — *Р. П.*) род против нашего силою не будет, ибо-де наша фамилия честная и многолюдная (цит. по: [Ерофеева, 2007, с. 121]).

Более того, год спустя Борак сам был избран ханом [Ерофеева, 2001, с. 118–119].

Претензии на власть лиц, обладавших статусом полуофициального наследника трона, также имели место в постимперский период. Так, Мухаммад-Тимур-султан, сын Мухаммада Шайбани-хана, основателя Бухарского ханства, при отце являлся кем-то вроде младшего соправителя, нося титул «валиахд» [Султанов, 2006, с. 95]. Это позволило ему претендовать на трон после смерти отца, а когда старшие родичи предпочли ему другого кандидата, Мухаммад-Тимур во время похода на Хорасан весной 1513 г. решил самовольно провозгласить себя ханом в Герате, повелел читать хутбу²⁴ и чеканить монету со своим именем [Семенов, 1954б, с. 142; Horikawa, 1994, S. 1710].

В некоторых случаях наследники выступали даже против ханов, благодаря которым и приобретали свой статус. Наиболее ярко это проявлялось в Крымском ханстве, где существовал особый институт калга-султана — своеобразного соправителя-наследника, которого назначал хан (при своем вступлении на престол, либо же после смерти или отстранения предыдущего калга-султана), но вместе с тем утверждал курултай и одобрял номинальный сюзерен — султан Османской империи (подробнее см.: [Бартольд, 2002в, с. 537]). Вследствие сложной политической ситуации в Крымском ханстве в результате политики взаимных уступок и компромиссов довольно часто случалось так, что калга-султаном назначался не только не тот царевич, которого хан сам желал видеть своим наследником, но и напротив — соперник монарха в борьбе за трон. Поэтому были нередки случаи, когда калга-султаны открыто выступали против своих ханов-соправителей: Ислам-Гирей — против своего дяди Сахиб-Гирея в 1532–1537 гг.,²⁵

---

²⁴ Хутба — упоминание имени правителя в пятничных и праздничных молитвах, считалась одним из признаков верховной власти в мусульманском мире (см., напр.: [Алексеев, 2006, с. 95]).

²⁵ Надо отметить, что калга-султан Ислам-Гирей до воцарения своего дяди дважды официально признавался ханом под именем Ислам-Гирей I (1524, 1532),

Алп-Гирей — против своего брата Мухаммад-Гирея II в 1584 г. [Халим Гирай, 2004, с. 40] (ср.: [Гайворонский, 2007, с. 287]), Фатх-Гирей против своего брата Гази-Гирея II в 1596 г. [Смирнов, 2005а, с. 333–335; Халим Гирай, 2004, с. 49–50] и т.д.

Завершая рассмотрение этого основания претензий на власть, следует сказать, что к происхождению обычно апеллировали те претенденты, которые не имели возможности опереться на более существенный фактор легитимации, поэтому случаи его использования относительно немногочисленны. Большинство же узурпаторов действовали более тонко и, можно сказать, более грамотно с правовой точки зрения.

§ 2. Обвинение законного монарха как основание для выдвижения альтернативных претендентов

В некоторых случаях наиболее веским основанием для претензий на трон становились не столько происхождение, статус или способности претендента, сколько выдвижение им обвинения против законного правителя. Стоило обвинить хана в каких-либо преступлениях, несовместимых с занятием ханского трона, и мятежник-узурпатор, посягнувший на власть легитимного монарха, превращался в героя, бросившего вызов произволу и стремившегося восстановить законность в государстве. Естественно, такие действия не были уникальными, использовавшимися только в тюрко-монгольском мире: мятежи против монархов были достаточно частыми в средневековой Западной Европе до появления доктрины о власти короля, освященной божественной волей и о приравнивании мятежа против монарха к государственной измене (см., напр.: [Макглинн, 2011, с. 100]).

В чингисидских же государствах для таких случаев у претендентов на власть имелось прекрасное правовое средство — возможность обвинения и смещения хана курултаем, поскольку курултай же формально хана и избирал. Арабский путешественник Ибн Баттута, посетивший в середине XIV в. Центральную Азию, оставил подробную характеристику такой возможности:

Чингиз составил книгу своих постановлений, называемую у них Йасак, а у них положено, что тот, кто не выполняет постановлений этой

поэтому вступление Сахиб-Гирея I на трон он посчитал посягательством на его законные права и с 1535 г. вновь стал именовать себя ханом [Смирнов 2005а, с. 304–306; Халим Гирай, 2004, с. 30] (см. также: [Гайворонский, 2007, с. 187–199]).

книги, должен быть свергнут. По его постановлению они должны собираться раз в год на пиршество, которое называется туй, или «день праздника». К тому дню съезжаются со всех концов страны потомки Чингиза — эмиры, хатун и крупные военачальники. Если их султан изменит что-либо в этих постановлениях, то их предводители встают и говорят: «Ты изменил то-то и то-то, сделал так-то и так-то, а потому тебя нужно свергнуть». Его берут за руки и заставляют сойти с царского трона и на его место сажают другого потомка Чингиза [Ибрагимов, 1988, с. 87].

Первым таким решением можно было бы признать вышеупомянутое лишение потомков Угедэя права занимать трон, имевшее место на курултае в 1251 г., но в данном случае речь шла об отстранении одной из ветвей правившей династии за преступления их уже скончавшихся предков, а не о низложении законного хана. Подобная практика в Монгольской империи и государствах Чингисидов берет начало несколько позже.

Наверное, первым, кто использовал обвинение другого монарха как способ легитимации собственных претензий на трон, стал Арик-Буга, который в 1260 г. провел курултай, где был провозглашен ханом в ущерб своему старшему брату Хубилаю и тут же разослал по всем улусам Монгольской империи приказ не выполнять приказы Хубилая и не слушать его сторонников [Рашид ад-Дин, 1960, с. 160]. Арик-Буга сумел сплотить вокруг себя многочисленных сторонников потому, что, по мнению исследователей, поставил в вину своему брату отход от кочевых традиций (соблюдение которых завещал своим потомкам Чингис-хан) и предпочтение их китайским обычаям (см.: [Гумилев, 1992а, с. 165–167; Далай, 1983, с. 34 и след.; Хафизов, 2000, с. 44]; ср.: [Россаби, 2009, с. 88, 95]). Это обвинение (по-видимому, небезосновательное) оказалось настолько убедительным, что позволило Арик-Буге в течение четырех лет противостоять старшему брату — более талантливому полководцу и правителю, обладавшему к тому же большими материальными и людскими ресурсами. Более того, после поражения Арик-Буги оно осталось актуальным, и его использовал также следующий соперник Хубилая — Хайду, потомок Угедэя, который в 1271 г. провел в Монголии курултай, на котором Хубилай был признан незаконным правителем, поскольку как раз в этом году принял титул императора основанной им же китайской династии Юань (тем самым подтвердив обвинение, выдвинутое против него противниками), а Хайду, напротив, был объявлен ханом как ревнитель древних степных обычаев (подробнее см.: [Гумилев, 1992а, с. 168]).

В дальнейшем аналогичное обвинение было выдвинуто против еще одного монарха — Тармаширина, хана Чагатайского улуса. Он продолжил политику ряда своих предшественников по «сращиванию» кочевой и оседлой знати, покровительствовал среднеазиатскому чиновничеству, купечеству, городам и сам принял ислам, который начал активно устанавливать в качестве официальной религии в своем государстве (даже сменив свое буддийское имя на мусульманское — Алла ад-Дин). Это позволило его соперникам обвинить Тармаширина в нарушении Ясы — правопорядка, установленного Чингис-ханом. В 1334 г. царевич Бузан, двоюродный брат Тармаширина, поднял восстание против хана, а чтобы придать легитимный характер своим действиям, организовал курултай, на котором хан был обвинен в отходе от принципов Ясы и объявлен низложенным, а вскоре и убит [Ибрагимов, 1988, с. 87; Строева, 1958, с. 216]²⁶.

В некоторых случаях обвинение против хана в источниках представлено менее определенно, так что не вполне понятно, в чем конкретно обвиняли их родичи, которые свергали монархов. Так, например, золотоордынский хан Тинибек в 1342 г. был убит своим братом Джанибеком, как пишет Ибн Баттута, «за постыдные дела» [СМИЗО, 1884, с. 296]²⁷. Еще один золотоордынский хан Азиз-Шейх был убит агентами знаменитого временщика Мамаю, стремившегося посадить на престол своего ставленника, однако официальной версией его убийства стали некие установленные им «скверные обычаи» [СМИЗО, 1941, с. 130].

Несомненно, нарушение установлений самого Чингис-хана относительно образа жизни и взаимоотношений с оседлыми подданными, в чем противники обвиняли Хубилая, было весьма тяжелым преступлением. Но не единственным: зачастую претенденты на трон

---

²⁶ Л. В. Строева полагает, что Тармаширин вступил на престол сразу после смерти своего брата Кебека в 1326 г., и уже тогда ревнители кочевых традиций выступили против него, одновременно с ним провозгласив ханом его другого брата Дурра-Тимура. Однако другие исследователи полагают, что Тармаширин пришел к власти уже после смерти упомянутого брата [Караев, 1995, с. 41; Петров, 2009, с. 304–307].

²⁷ Распльывчатость этой формулировки позволяет исследователям строить разные версии относительно повода для убийства Тинибека. Например, А. П. Григорьев предположил, что Тинибек мог принять участие в заговоре против своего отца Узбека в 1339 г. [Григорьев, Григорьев, 2002, с. 41–42]. Основанием для такого предположения послужило письмо папы римского Бенедикта XII хану Узбеку, в котором упоминается о заговоре против хана, причем мятежники едва не ворвались в ханский дворец [Юргевич, 1863, с. 1003].

обвиняли правивших монархов и в других нарушениях законов Чингис-хана. Одним из распространенных обвинений являлось нарушение требований о наказании потомков «золотого рода». Один из биликов Чингис-хана (правовых и нравоучительных изречений, приравнивавшихся по юридической силе к законам) гласил:

Если кто-нибудь из нашего уруга (рода. — *Р. II.*) единожды нарушит ясу, которая утверждена, пусть его наставят словом. Если он два раза [ее] нарушит, пусть его накажут согласно билику, а на третий раз пусть его сошлют в дальнюю местность Балджин-Кульджур. После того, как он сходит туда и вернется обратно, он образумится. Если бы он не исправился, то да определят ему оковы и темницу. Если он выйдет оттуда, усвоив адаб (нормы поведения. — *Р. II.*), и станет разумным, тем лучше, в противном случае пусть все близкие и дальние [его] родичи соберутся, учинят совет и рассудят, как с ним поступить [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 263–264].

Уже в 1251 г. по обвинению в нарушении этого принципа были отстранены от власти потомки Угедэ: их обвинили в казни без суда Актылун-хаан — дочери Чингис-хана. Впоследствии к этому обвинению нередко прибегали узурпаторы-Чингисиды, бросавшие вызов законным монархам. Так, в 1284 г. хулагуидский царевич Аргун выступил против своего дяди Тохудара — ильхана Ирана, под предлогом, что тот без суда казнил нескольких своих родственников — царевичей из рода Хулагу (на самом деле, они были казнены за участие в заговоре против ильхана с целью возведения на трон самого Аргуна) [Рашид ад-Дин, 1946, с. 111; Хронограф, 2005, с. 123, 125]²⁸. По версии Муин ад-Дина Натанзи, и вышеупомянутый чагатайский хан Тармаширин был убит за то, что «пером наказания стал подписывать имена своих сородичей» [Натанзи, 2007, с. 58].

В предыдущем разделе мы рассмотрели примеры апеллирования претендентов на трон к завещанию предшествующего (или одного из предшествующих) монарха. Как следствие, в качестве обвинения монарха порой фигурировало нарушение им последней воли его предшественника. Как мы помним, нарушение семейством Угедэ его же последней воли (выбрать ханом его внука Ширэмуна) стало одним из поводов для отстранения этой ветви Чингисидов от ханского трона. Нередко к этому прибегали и узурпаторы, свергавшие законных ханов.

---

²⁸ По сведениям армянских средневековых историков, в вину Тохудару было поставлено и незаконное пленение самого Аргуна, которого ильхан взял в плен вскоре после казни его сообщников [Патканов, 1873, с. 49–50].

Так, в 1291 г. золотоордынский временщик Ногай захватил хана Тула-Бугу (которого несколькими годами ранее сам же и возвел на престол) и предал его в руки своего сообщника — царевича Токты, сына Менгу-Тимура, сказав ему:

«Вот этот завладел царством отца твоего и твоим царством», тем самым обвинив плененного монарха в незаконном захвате трона [СМИЗО, 1884, с. 108]²⁹.

В 1323 г. в результате заговора погиб монгольский хан Шудибала (Гэгэн-хан, император Юань Инцзун), который сам, впрочем, ничего не нарушал, поскольку занял трон по воле своего отца. Однако нарушителем был признан именно его отец — Буянту-хан (Аюрбарибата, император Жэньцзун), который должен был после своей смерти передать трон сыну своего брата, а не собственному сыну, который пострадал таким образом за грехи родителя [Далай, 1983, с. 127–128; History, 2006, p. 527, 532–533]³⁰.

Несмотря на то что любой прямой потомок Чингис-хана по мужской линии имел законное право занять трон в любом из государств, возникших после распада Монгольской империи, уже на рубеже XIII–XIV вв. фактически в каждом из четырех улусов закрепилась собственная династия, происходящая от одного из сыновей Чингис-хана — Джучи (Золотая Орда), Чагатая (Мавераннахр, Средняя Азия) и Тулуя (империя Юань в Китае и государство ильханов в Иране). Поэтому когда в результате династических кризисов к власти в каком-либо чингисидском государстве приходили представители другой ветви «золотого рода», их соперники в борьбе за власть всегда могли обвинить их в том, что они являются нелегитимными монархами — по сравнению с представителями местной династии.

Так, в государстве ильханов в Иране в 1335 г. пресеклась старшая ветвь потомков Хулагу, и на трон вступил Арпа-хан, который вообще не принадлежал к Хулагуидам: он являлся потомком Арик-Буги, брата

---

²⁹ Примечательно, что от самой казни свергнутых правителей Ногай предпочел уклониться — несомненно, чтобы впоследствии не давать повода обвинить себя в незаконной расправе с членами дома Чингис-хана (см.: [Веселовский, 1922, с. 39]).

³⁰ Характерно, что заговорщики не вернули трон отстраненному от власти наследнику — сыну хана Хайшана, а вызвали из Монголии куда менее легитимного претендента — Есун-Тэмура, по некоторым известиям вообще принадлежавшего даже к потомству не Хубилая, а его брата Арик-Буги [Лубсан Данзан, 1973, с. 250].

Хулагу. Несмотря на то что Арпа-хан занял трон на основе завещания своего предшественника Абу Саида и был официально признан в ханском достоинстве, против него вскоре выступил Муса — представитель боковой ветви Хулагуидов, заявивший, что имеет больше прав на трон Ирана, чем потомок Арик-Буги, чьи предки никогда здесь не правили [Хафиз Абру, 2011, с. 144–149; Shajrat, 1838, p. 311]³¹.

Примерно в это же время аналогичная ситуация сложилась в Чагатайском улусе. После свержения хана Тармаширина в 1334 г. здешние ханы из рода Чагатая менялись едва ли не каждый год. В 1346 г. эмир Казаган, фактический правитель Мавераннахра, убив очередного хана, возвел на трон свою марионетку — хана Данишменда, который не был Чагатаидом, а являлся потомком Угедэя³². Надо полагать, Казаган считал, что хан с сомнительной легитимностью будет во всем ему покорен. Однако по какой-то причине уже два года спустя сам временщик убил своего ставленника, обвинив его в том, что тот не принадлежит к династии законных правителей Чагатайского улуса, и возвел на трон следующего ставленника Баян-Кули — на этот раз из дома Чагатая [Натанзи, 2007, с. 60–61; Shajrat, 1838, p. 376].

В конце 1340-х годов Чагатайский улус распался на две части, в каждой из которых (Мавераннахр и Могулистан), впрочем, у власти продолжали находиться Чагатаиды. Однако в силу политических причин между ними пролегла такая грань, что когда Ильяс-Ходжа, правитель Могулистана, правнук чагатайского хана Дувы, в начале 1360-х годов попытался стать ханом и в Мавераннахре, местная знать оказала ему упорное сопротивление как чужаку и, в конце концов, вытеснила из страны, возведя на престол другого Чагатаида, также правнука Дувы [Йазди, 2008, с. 34–37] (см. также: [Нагель, 1997, с. 129–130])³³.

---

³¹ Следует также отметить, что Арпа-хан оттолкнул от себя многих еще и тем, что, осознавая проблематичность своих прав на трон, приказал казнить многих царевичей-Чингисидов, находившихся в это время в Иране — причем не только потомков Хулагу, но, например, и несколько представителей рода Угедэя [Хафиз Абру, 2011, с. 147]. По всей видимости, он опасался, что если уж ему, потомку Арик-Буге, удалось занять трон в другом чингисидском государстве, это окажется возможным и для потомства Угедэя.

³² Автор «Му'изз ал-ансаб» приводит следующую генеалогию Данишменда: «Данишмандча, сын Хундуна, сына Турджана, сына Малика, сына Угедэя» [Муизз, 2006, с. 60]. Абу-л-Гази-хан называет Данишменда сыном Хайду [Абуль-Гази, 1996, с. 89].

³³ Стоит отметить, впрочем, что противостояние эмиров Мавераннахра ханам из Могулистана началось еще при жизни отца Ильяс-Ходжи — Тоглук-Тимур-хана, однако ему еще удавалось удерживать власть над обоими улусами.

По сообщению Муин ад-Дина Натанзи, в Золотой Орде в период смуты конца 1350–1370-х годов (в русских летописях называемой «Замытней великой») на трон Белой (Синей³⁴) Орды — правого крыла Улуса Джучи был приглашен Орда-Шейх, представитель правящей династии левого крыла Золотой Орды. Вскоре он был убит одним из местных эмиров, сказавшим:

Как это уруг султанов Ак Орды станет властителем трона царей Кок Орды [СМИЗО, 1941, с. 130].

Несмотря на то что к сведениям Натанзи следует относиться осторожно, и сообщение о правлении Орда-Шейха не подтверждается другими источниками, сам принцип обвинения хана в том, что он не принадлежит к местной правящей династии, как видим, отражен в этом пассаже очень четко.

«Узурпаторы по происхождению»: представители низложенных династий в борьбе за трон. Происхождение от Чингис-хана, как известно, автоматически влекло наличие у его потомков права претендовать на ханский трон. Однако иногда происхождение могло сыграть и злую шутку с представителями «золотого рода» — например, если претендент на престол принадлежал к семейству, по той или иной причине лишенному права наследования трона. Обвинение против монарха в подобных случаях могло носить двоякий характер: с одной стороны, претендент на власть мог обвинить в узурпации самого представителя отстраненной от власти ветви «золотого рода» — даже если он занимал трон с соблюдением всех официальных процедур; с другой стороны, сами представители низложенных династий могли выдвинуть обвинения против монархов в попрании своих прав, поскольку законность отстранения от власти целой ветви Чингисидов была сомнительна.

Так, в 1251 г. на курултае семейство Угедэя, третьего сына и преемника Чингис-хана на троне Монгольской империи, было обвинено в ряде преступлений против «золотого рода» и на этом основании лишено права занимать ханский трон [Рашид ад-Дин, 1960, с. 80; Бартольд, 1963^в, с. 558]. В результате претензии *всех* потомков Угедэя (включая и тех, кто не участвовал в нарушении монгольского законодательства, и даже тех, кто еще не родился!) на власть в империи и чингисидских государствах признавались незаконными.

---

³⁴ Путаница в источниках «цветовых» обозначений правого и левого крыльев Золотой Орды вызывала (и продолжает вызывать) оживленные дискуссии исследователей (подробнее см.: [Ускенбай, 2006]).

Впрочем, правомерность этого решения всегда оставалась под вопросом. Как отмечалось выше, уже хан Мунке признал Хайду, внука Угедэя, одним из своих возможных наследников. Не препятствовало решение курултая 1251 г. потомкам Угедэя и в дальнейшем претендовать на троны в других государствах. Впрочем, их соперники в борьбе за власть неоднократно ссылались на незаконность притязаний Угедэидов на ханский трон в качестве повода для выступления против них. Так, как незаконные монархи были убиты два монгольских хана из рода Угедэя — Гуйличи в 1408 г. и Адай в 1438 г. С ними расправились приверженцы потомков Хубилая — единственных, по их мнению, законных претендентов на трон Монголии [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 574—575, 580—582; Покотилов, 1893, с. 32—33, 46—51]³⁵.

Интересно отметить, что монгольские летописцы из числа приверженцев династии потомков Хубилая впоследствии постарались вычеркнуть факт правления в Монголии представителей «незаконной» ветви Чингисидов: в монгольских хрониках имя Гуйличи вообще замалчивается³⁶, и Адай-хан фигурирует как потомок Хубилая (см., напр.: [Галдан, 2012, с. 154])³⁷. Лишь благодаря среднеазиатскому сочинению XV в. «Шаджрат ал-атрак» («Родословное древо тюрков») нам становится известной подлинная генеалогическая принадлежность этих ханов [Shajrat, 1838, p. 219—220] (см. также: [Бира, 1978, с. 162—164; Honda, 1958, p. 247—248]).

Сходной с судьбой Угедэидов оказалась судьба еще одной ветви потомков Чингис-хана — семейства Арик-Буги, сына Тулуя (четвертого сына Чингис-хана). В 1260—1264 гг. он вел борьбу за власть со своим братом Хубилаем, потерпел поражение и попал в плен. В результате его потомство также оказалось фактически отстраненным от наследования ханского трона, однако несколько его потомков все же становились ханами. Так, в 1323 г. в результате заговора и убийства одного из ханов — императоров Юань произошел переворот и у власти оказался хан Есун-Тэмур (император Юань Тайдин-ди). В соответствии с официальной монгольской историографией он происходил от

---

³⁵ Мы ограничиваемся здесь примером из истории Монгольской империи и Монгольского ханства, хотя потомки Угедэя неоднократно занимали троны и в других государствах Чингисидов (подробнее см.: [Почекаев, 2013a]).

³⁶ В монгольских источниках фигурирует, впрочем, некий ойратский Гуйлинчи-багатур [Золотое сказание, 2005, с. 42; Лубсан Данзан, 1973, с. 259—260], однако исследователи не отождествляют его со сходным по имени ханом.

³⁷ По мнению некоторых исследователей, Адай-хан являлся потомком Джучи-Хасара, брата Чингис-хана [Hambis, 1969, p. 187].

Каммалы, сына Хубилая, однако монгольский историк Лубсан Данзан допускает интересную оговорку:

В некоторых историях говорится, что [это] был Арик-Буга-хаган [Лубсан Данзан, 1973, с. 250].

Вероятно, следует понимать, что Есун-Тэмур принадлежал к потомству Арик-Буги, о чем предпочли умолчать придворные историки потомков Хубилая.

Семейство Арик-Буги традиционно пользовалось популярностью в Монголии, и когда потомки Хубилая — монгольские ханы и императоры Юань — были изгнаны в 1368 г. из Китая и вынуждены довольствоваться одной только Монголией, потомки Арик-Буги сочли их намерения посягательством на свой родовой удел и начали междоусобную борьбу [Грум-Гржимайло, 1926, с. 569]. В 1388 г. хан Тогус-Тэмур (Усхал-хан), потомок Хубилая, потерпел поражение от китайцев и был убит по приказу царевича Есудара, происходившего от Арик-Буги. Есудар захватил власть, и хотя некоторое время спустя он был убит, с конца XIV в. и в течение всей первой четверти XV в. его родственники не без успеха боролись за власть над Монгольским ханством. Исследователи относят к потомкам Арик-Буги ханов Энхэ, Дэлбэг и Ойрадтая (Урадая), а возможно — и Гун-Тэмур, которые в официальной монгольской историографии все объявлены потомками Хубилая [Бира, 1978, с. 160–164]. Естественно, это было сделано с целью умолчать о том, что потомки Арик-Буги, лишенные права занимать трон, в этот период успешно противостояли потомкам Хубилая, едва ли не чаще становясь ханами, чем последние.

По-видимому, на рубеже 1350–1360-х годов от власти были отстранены потомки золотоордынского хана Узбека (подробнее см.: [Почекаев, 2009б, с. 39–40]). Именно с этим следует связать тот факт, что потомкам Узбека, ставленникам знаменитого золотоордынского бекляри-бека Мамай — ханам Абдаллаху и Мухаммаду-Булаку, не удавалось удерживать золотоордынскую столицу Сарай и приходилось вести постоянную борьбу с претендентами из других ветвей рода Джучидов — Шибанидами и Туга-Тимуридами, которые после отстранения потомков Узбека считали себя не менее законными претендентами (подробнее см.: [Почекаев, 2010]).

Изучение случаев призвания к власти «узурпаторов по происхождению» (равно как и их свержения по обвинению в незаконности) показывает, что они оказывались востребованы либо региональными элитами, либо столичной оппозицией, которых не устраивали чрез-

мерно властные, хотя и законные, правители. Сами претенденты зачастую являлись лишь марионетками в руках влиятельной племенной аристократии и сходили с политической сцены, когда нужда в них исчезала.

Обвинение монархов как основание претензий на власть в постимперский период. Как и претензии на власть на основании собственного статуса в семейной иерархии, обвинение монархов как повод для свержения и захвата трона также неоднократно использовалось Чингисидами вплоть до XVIII в.

Выше мы рассматривали случаи, когда против монарха восставали его родичи, выдвигая в качестве обвинения незаконную расправу с другими членами ханского рода — пусть и не так часто как в имперскую эпоху. В некоторых же случаях узурпаторам было достаточно самого факта гибели одного из членов «золотого рода» по вине хана, чтобы обвинить и свергнуть монарха. Так, например, ок. 1530 г. несколько султанов из местной династии Арабшахидов восстали против хана Хасан-Кули и осадили его столицу Ургенч. Во время штурма был убит один из осаждавших его султанов — 20-летний Аганай. Несмотря на то что он принадлежал к числу мятежников и погиб во время мятежа, родственники убитого в отместку за его гибель свергли и умертвили хана и его старшего сына, а остальное потомство выслали из Хивинского ханства, лишив права наследовать трон [Абуль-Гази, 1996, с. 115–116; МИКХ, 1969, с. 439].

В 1711 г. бухарский хан Убайдаллах II также был убит по обвинению в многочисленных расправах с родичами и знатью, хотя на самом деле всего лишь пытался укрепить центральную власть и казнил тех, кто противился его воле. Однако после царствования ряда неэффективных ханов из рода Аштарханидов его деятельность вызвала сильное недовольство знати и духовенства, которые расправились с ханом, возведя на трон его, куда менее властного, брата Абу-л-Файза [Бухари, 1957, с. 267] (см. также: [Гафуров, 1955, с. 384–385]).

В результате распада чингисидских империй в XIV–XV вв. многие ветви рода Чингисидов, правившие в отдельных государствах, пресекались, и фактор приоритета той или иной ветви «золотого рода» при занятии престола конкретного ханства, казалось бы, утратил актуальность. Однако он неоднократно «реанимировался» узурпаторами и в последующие века. Так, в 1538 г. бухарский хан Убайдаллах, воспользовавшись междоусобицами в хивинском правящем семействе Арабшахидов, вторгся в Хивинское ханство, оккупировал его и возвел на трон своего сына Абд ал-Азиза. Однако, несмотря на под-

держку отца и ослабление местной династии, последнему так и не удалось удержаться на троне: соперничавшие между собой Арабшахиды объединились против чужака и уже в следующем году вытеснили его из Хорезма. Убайдаллаху пришлось смириться с этим и признать ханом (пусть и зависимым от себя) местного династа.

Иногда вместо формального лишения права на трон та или иная ветвь рода Чингисидов теряла права на власть в результате свержения. Таким образом, возникал правовой парадокс: не будучи формально отстраненной от наследования трона и имея в роду прямых предков законных ханов, представители таких родов все же выглядели узурпаторами в глазах тех правителей, которые сменяли эти свергнутые династии.

В результате многочисленных междоусобиц в Хивинском ханстве две ветви местной правящей династии (потомки ханов Ильбарса и Хасан-Кули) к середине XVI в. оказались в изгнании, найдя убежище в соседнем Бухарском ханстве. Юридически их никто не лишал права на трон, но поскольку они в течение долгого времени не бывали в Хорезме, их связи с родным государством, правящим домом и знатью становились все менее прочными, а сами они приобретали статус «казаков» — своеобразных царевичей-изгоев, лишенных владений. В начале XVII в. два представителя этих семейств — Хосров-султан, потомок Ильбарса, и Салих-султан, потомок Хасан-Кули — попытались захватить власть, они не нашли поддержки у местного населения, оба были схвачены своим родственником Араб-Мухаммад-ханом и казнены за попытку свержения законного монарха [Абуль-Гази, 1996, с. 154–155].

Эта тенденция продолжилась в Хивинском ханстве и в XVIII в. и даже приобрела определенное правовое закрепление. Представители отстраненных от власти ветвей рода Арабшахидов с начала XVIII вв. сформировали в Приаралье едва ли не «альтернативное» ханство, где при поддержке местного узбекского и каракалпакского населения проводили официальные церемонии интронизации и приобретали, таким образом, право претендовать на хивинский трон. Естественно, в глазах ханов, правивших в столице, они являлись узурпаторами, однако эту точку зрения далеко не всегда разделяли знать, армия и население Хивы. Один из них, Ишим-султан, потомок хана Агатая (правил в Хиве в середине XVI в.), был поддержан аральскими узбеками и каракалпаками, враждебными Хиве, и в начале 1710-х годов не без успеха противостоял законно избранному хану Ядгару [МИКХ, 1969, с. 458; Munis, Agahi, 1999, p. 54–55]. Другой претендент, Шах-Тимур,

имел еще больше прав на трон, поскольку не только его далекие предки, но и родной отец, и еще несколько близких родственников управляли Хивинским ханством, хотя и принадлежали к ветви рода, ранее выехавшей из Хивы [МИКХ, 1969, с. 461; Munis, Agahi, 1999, p. 58]. Неудивительно, что его претензии в течение 1720–1730-х годов поддерживали не только в Приаралье, но и в самой Хиве. Долгое время он являлся своеобразным средством сдерживания самовластия местных легитимных ханов: сановники и родоплеменные вожди угрожали хивинским ханам, что если те не станут более покладистыми, то на трон будет возведен именно Шах-Тимур [Беневени, 1986, с. 65, 67; МИКХ, 1969, с. 461–464; Munis, Agahi, 1999, p. 58–63].

Около 1695 г. на престоле Яркенда, принадлежавшего потомкам Чагатая, оказался казахский султан Ишим, который, впрочем, вскоре был вынужден покинуть город под давлением правителей соседнего Кашгара — именно на том основании, что принадлежал к другой династии Чингисидов [МИКХ, 1969, с. 418] (см. также: [Валиханов, 1986б, с. 139]).

Несколько более удачной оказалась судьба представителей еще одной «чужой» династии — казахских ханов в Хивинском ханстве. На протяжении 1728–1771 гг. казахские ханы и султаны, потомки Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи (причем из двух разных ветвей его потомков), соперничали за трон с законной хивинской династией Арабшахидов — потомков Шибана, пятого сына того же Джучи. Несмотря на то что сторонники «местной» династии раз за разом свергали или даже убивали казахских «чужаков», те постоянно приходили вновь и находили все большее число сторонников среди местного населения и знати (подробнее см.: [МИКХ, 1969, с. 463–475; МИТТ, 1938, с. 335–337; Munis, Agahi, 1999, p. 62–81]; см. также: [Атдаев, 2010, с. 32–34, 65–81; Веселовский, 1877, с. 182–251]). Это убеждает нас в том, что правление «посторонней» династии, если оно являлось достаточно продолжительным, могло создать определенный прецедент, который в некоторых случаях мог привести и к окончательной смене династии. Впрочем, как мы увидим ниже, это в большей мере проявилось в тех же среднеазиатских ханствах, когда ханы-Чингисиды в XVIII — начале XIX в. были вынуждены уступить власть представителям местных менее знатных родов.

Научное издание

Почекаев Роман Юлианович
**Легитимация власти, узурпаторство и самозванство
в государствах Евразии:
Тюрко-монгольский мир XIII — начала XX в.**

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *М.С. Ковалева*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка и графика: *Л.В. Маликина*
Корректор *В.И. Каменева*

Подписано в печать 02.12.2016. Формат 60×88 1/16
Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 22,3. Уч.-изд. л. 21,0
Тираж 500 экз. Изд. № 1869

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59